

Шекспир У. Два знатных родича filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Шекспир Уильям Два знатных родича.
Действующие лица Тезей, герцог Афинский.
Пиритой, афинский генерал.
Артезий, афинский капитан.
Паламон | племянники Креона,
Аркит | короля Финского.
Валерий, Фивский дворянин.
Шесть рыцарей.
Герольд.
Тюремщик.
Дочь тюремщика.
Жених дочери тюремщика.
Доктор.
Брат и друзья тюремщика.
Дворяне.
Джеррольд, школьный учитель.
Ипполита, амазонка, невеста Тезея.
Эмилия, ее сестра.
Три королевы.
Служанка Эмилии. Крестьяне, гонцы, лицо, изображающее Гименея,
мальчик, палач, стража, свита, девушки-поселянки,
женщины, изображающие нимф. Действие происходит в Афинах и окрестностях
Афин,
кроме части первого акта, где действие происходит
в Фивах и их окрестностях. ПРОЛОГ Трубы. Судьба девиц и новых пьес сходна:
Поклонники и деньги к ним стремятся,
Пока заветы чести в них хранятся;
Так, если пьеса дельная скромна,
То в брачный день – в день первый
представленья
Она полна невольного смущенья,
Дрожит за честь свою, подобно той,
Кто, брак святой свершив и первой ночи
Страх пережив, стыдливо клонит очи
И кажется девицей, не женой.
И с нашей пьесой, если вам угодно,
Пусть будет так; прекрасно, благородно
Ее рожденье: автор был – поэт,
Какого знаменитей в мире нет
От тех краев, где вьется По, как лента,
До берегов серебряного Трента.
Тот автор – Чосер; он нам тему дал
И всем векам в наследье завещал.
И если мы с наследьем этим чистым
Не справимся, и встретите вы свистом
Дитя усилий наших, чуть на свет
Оно родится, – то в гробу поэт
Невольно содрогнется и застонет:
"О кто мне даст защиту, кто прогонит
Пустую эту болтовню писак,
Испортивших мои творения так,
Что Робин Гуд серьезней их стократно!"
Вот что нам страшно! Было бы превратно
И безнадежно нам мечтать о том,
Чтоб с ним сравняться собственным трудом,
И может быть, что на свое лишь горе
Отважились поплыть мы в это море;
Но протяните руку нам: тогда
Мы выплывем, быть может, без вреда,
Дадим ряд сцен, хоть и не превосходных,
Как дал бы Чосер, но вполне пригодных,
Чтоб час – другой занять вас. Мир костям
Поэта! Радость и веселье – вам!
Но если вас развлечь мы не сумеем,
Так докучать вам долго не посмеем.
(Трубы.) АКТ I Сцена 1 Афины, перед храмом. Входит Гимней с горящим
факелом; перед ним мальчик в белом платье, разбрасывающий цветы; за
Гимнеем нимфа с распущенными волосами и в венке из колосьев; за нею Тезей

Шекспир У. Два знатных родича filosoff.org
между двумя нимфами в венках из колосьев; затем Ипполита, невеста, с
распущенными волосами, в сопровождении Пиритоя и другого лица, держащего
над нею венки; позади нее Эмилия, поддерживающая ее
шлейф, Артезий и свита. Хор
(под музыку) Ароматнейшие розы,
Без шипов и без занозы,
По красе им равных нет;
Маргаритки, видом скромны,
И гвоздики, нежно-томны,
И тимьянной травки цвет; Первоцвет, весны рожденье,
Ранний вестник наслажденья,
Колокольчиков пучок;
Белых буквиц цвет и почки,
Ноготки – могил цветочки,
Синий шпорника цветок, Все, природы милой дети,
Собирайтесь в пышном цвете
Пред невестой с женихом!
(Хор разбрасывает цветы.)
Хор воздушных духов – птички,
Сладкогласные певички,
Все слетайтесь здесь кругом! Но ни ворон, ни сорока,
Ни кукушка – вестник рока,
Пусть не жалуют сюда,
Не грозят чете прекрасной,
Не тревожат мир согласный,
Но бегут отсель всегда! Входят три королевы, в трауре, с черными вуалями, в
коронах. Первая королева падает к ногам Тезея, вторая – к ногам Ипполиты,
а третья – перед Эмилией. Первая королева Во имя милосердия и чести
Ты выслушай и пожалей меня! Вторая королева Во имя матери твоей, во имя
детей, которых ты зачнешь во чреве,
Ты выслушай и пожалей меня! Третья королева О, заклинаю суженым, который
С тобой разделит ложе, – заклинаю
Твоею чистой девственностью: будь
Заступницей в тяжелом нашем горе!
Все, в чем ты только погрешить могла б,
За добрый подвиг тот тебе простится. Тезей Встань, грустная жена. Ипполита
Прошу я, встань. Эмилия Не преклоняй колен передо мною:
Когда я вижу женщину в беде,
Сама невольно сердцем к ней склоняюсь. Тезей В чем ваша просьба, расскажите
нам! Первая королева Пред вами здесь три скорбных королевы,
Мужья которых пали жертвой злобы
Жестокого Креона, – их тела
Лежат добычей коршунов когтистых
И пищу слетевшихся ворон
В полях нечистых Фив. Тиран свирепый
Не позволяет нам их трупы сжечь
И в урны пепел их собрать, чтоб ветер
Зловонье их окрест не разносил,
Чтоб светлый Феб благословенным оком
Не созерцал бы тленья мертвых тел.
О, сжался, герцог! Мира очиститель,
Ты извлеки за нас твой грозный меч,
Которым столько благ ты сделал миру!
Нам возврати тела супругов наших,
Чтоб мы могли гробницам их отдать!
И, в благости своей неизреченной,
Воззри на то, что мы, нося короны,
Увы, иного крова лишены,
Как свод небесный, кровлею служащий
Медведю, льву, – и общий тварям всем! Тезей Прошу, колен своих не
преклоняйте!
Услышав вашу речь, я возмущен;
Мне ваших жаль колен, во прах склоненных.
Супругов ваших гибель мне известна,
И столько же о ней я сожалел,
Насколько воспылил я жаждой мести.
(Первой королеве.)
Твой муж – король был славный Капаней:
В тот день, когда с тобою в брак вступал он,
В такое ж время года, как теперь,
Пред Марса алтарем его я встретил.

Как ты была прекрасна! Плащ Юноны
Был не пышней кудрей твоих роскошных!
В тот день колосья брачного венца
Рассыпаться, увянуть не грозили:
Фортуна сладко улыбалась вам;
Сам Геркулес, мой родственник, – столь слабый
Пред взорами очей твоих прекрасных,
Покорно булаву свою сложил
И, шкурой льва Немейского прикрывшись,
Свою вам кротко клятву приносил.
О, грозная печаль и злое время,
Как жадно вы готовы все пожрать! Первая королева О, кажется, что некий бог
внушает
Тебе, герою, милосердным быть!
Тебе он силу даст, чтоб был ты нашим
Заступником. Тезей О, встань, вдова, прошу!
Молись у ног Беллоны шлемоносной
Ты обо мне, о войне своим!
О, как смущен мой дух!
(Отворачивается.) Вторая королева О ипполита!
Ты, амазонка грозная, чьей силой
Сражен клыкастый вепрь; ты, чья рука
Настолько же сверкает белизною,
Насколько мощной силою полна;
Ты, чья отвага подчинить грозила
Пол сильный слабому, и подчинила б,
Когда б тебя властитель твой, – который
Рожден на то, чтоб всюду водворять
Все естество в природные границы,
Вновь не заставил подчиниться узам,
Которые ты сбросить порывалась,
Пленив тебя и силой, и любовью;
Воительница смелая, чей гнев
Настолько ж страшен, как прекрасна милость;
Ты, кто теперь, – я знаю, – больше власти
Имеешь над властителем своим,
Чем над тобой когда-либо имел он,
Он рад служить по слову твоему,
О женственности чистое зеркало!
Проси его, чтоб мы, огнем войны
Жестоко опаленные, под сенью
Меча его, простертого над нами,
Могли б прохладу сладкую найти!
Моли его, как женщина лишь может
Молить, такая ж, как одна из нас!
Плачь перед ним, склони пред ним колена,
Хоть ненадолго, хоть на краткий миг,
Достаточный, чтоб вострепнулся голубь,
Которому голову отрывают;
Скажи ему, что сделала бы ты,
Когда бы он лежал в кровавом поле,
Оскалив мертвый рот навстречу солнцу,
Ослабившись недвижно на луну! Ипполита несчастная, умолкни, успокойся!
Настолько же охотно я пойду
За вами вслед, как шла в тот путь, который
Прервали вы, – а в этот путь я шла
Всего охотней в жизни. Мой властитель
Глубоко тронут вашим горем. Дайте
Ему обдумать; после я за вас
Замолвлю слово. Третья королева
(Эмилии) О, я вижу, просьба
Моя была подобна льду, который,
Не растопленный жгучею печалью,
Лишь слабо каплет. Скорбь в моей груди
Бесформенною массою сдавилась. Эмилия Встань, встань, прошу я! На твоих
щеках
Начертаны следы твоей печали. Третья королева На них ее не можешь ты
прочитать;
Она едва-едва видна сквозь слезы;
Так камни дна кремнистого ручья
Виднеются сквозь струйки волн прозрачных.

Кто хочет знать земли все тайны, – должен
В ее проникнуть недра; тот, кто хочет
Хоть малую рыбешку в мире скорби
Моей поймать, – тот пусть свою уду
В пучину сердца моего забросит.
Жестокая лишь крайность побуждает
Меня к сравнениям странным прибегать.
Я, кажется, с ума сойти готова. Эмилия Умолкни же! Я чувствую все это;
Кто под дождем не чувствует дождя,
Тот понимать, конечно, не способен
Различья между мокрым и сухим.
Поверь мне: если б ты была картиной,
У живописца, я б тебя купила,
Чтоб сердце тяжким зрелищем терзать
И упражнять его в борьбе со скорбью;
Но я слаба, как женщине обычно
Быть слабою, и грустный твой рассказ
Меня так больно в сердце ударяет,
Что, отразясь, удар тот сердцу брата,
Конечно, передастся и заставит
Его невольно жалость ощутить,
Хотя б то сердце было тверже камня.
Утешься ж, успокойся. Тезей Поспешим
Скорее в храм! Ни йоты не пропустим
В священной церемонии. Первая королева Увы!
Все эти торжества продлятся дольше
И стоят вам дороже той войны,
Которую начать теперь мы молим!
О, вспомните, что имя ваше славно,
Что скоро поступить – для вас не значит
Быть опрометчивым, что ваши думы
Сильней вполне обдуманых решений
Других всех смертных; что решения ваши
Могучее, чем действия других;
Деянья ж ваши, – о клянусь Зевесом,
Быстрее орла, хватающего рыбу,
Едва возникнут, – к цели уж придут.
О, вспомни, герцог, вспомни, что за ложе
Дано убитым нашим королям! Вторая королева Как грустно наше ложе, на
котором
Супругов наших нет! Третья королева И даже ложа,
Приличного для мертвых, нет у них!
О, даже те, кому свет милый солнца
Наскучил, кто ужасной умер смертью,
Убив себя веревкою, кинжалом
Иль ядом, или бросившись с горы,
И те имеют мир и тень могилы,
Не лишены гробов! Первая королева Супруги ж наши
Лежат, под жгучим солнцем разлагаясь,
При жизни ж это были короли! Тезей Вы правы; я исполню вашу просьбу
И дам могилы вашим королям,
Для этого иметь придется дело
С Креоном. Первая королева И немедленно теперь
Свершить тебе удобно это дело;
До завтра зной улегся; труд усталый
Испариной себя вознаграждает,
И в полной безопасности себя
Тиран считает; он далек от мысли,
Что мы стоим здесь пред тобой, стараясь,
Чтоб ты прочел мольбу у нас в очах. Вторая королева Он упоен теперь своей
победой. Третья королева Насытись, отдыхает вражья рать. Тезей Артезий, ты
всех лучше понимаешь,
Что нужно делать в этом предприятии,
С чего начать и сколько войск собрать;
Устрой же это все как можно лучше,
А мы скорей приступим к исполнению
Торжественного акта нашей жизни,
В супружество свершим мы смелый шаг. Первая королева Подруги вдовы, дайте
руки: будем
Оплакивать втроем свое вдовство;
Отсрочка нас томиться осуждает

Голодную надеждо. Все королевы Прощай! Вторая королева Не вовремя явились мы; но разве
Печаль способна рассуждать спокойно,
Как ум, ничем не мучимый, – когда
О помощи просить всего удобней? Тезей Как, что вы говорите? Акт священный,
К которому хочу я приступить,
Серьезней всяких войн; он мне важнее
Всех дел, какие прежде я свершил,
И всех, какие совершу в грядущем. Первая королева Я знаю: как бы ни молили мы,
Все наши просьбы будут безуспешны.
Когда она лилейными руками,
Которые увлечь могли бы Зевса
С высот Олимпа, шею обовьет
Тебе в ночной тиши, при лунном свете,
Когда две вишни этих алых губ
К устам твоим, любовью опьяненным,
Прильнут, – ужели будешь думать ты
О королях гниющих, королевах
Заплаканных? Как можешь думать ты
О том, чего не чувствуешь? Кто может
Вновь пробудить воинственного Марса,
Чтоб он ударил в барабан войны?
О, если с нею проведешь ты сладко
Одну лишь ночь, – то час один той ночи
Залогом будет ста таких ночей!
И с той поры ты будешь думать только
О новых наслаждениях! Ипполита Нет, о, нет!
(Преклоняет колени.)
О государь! Быть может, прогневаю я
Тебя печальной просьбою своею;
Но если б я отсрочить отказалась
Тот сладкий час, к которому всем сердцем
Стремлюсь я, чтобы тем уврачевать
Скорбь этих вдов несчастных, – навлекла бы
Я на себя проклятия всех женщин.
Итак, теперь решаюсь испытать,
Имеют ли немного силы просьбы
Мои перед тобой, иль, может быть,
От просьб должна навек я отказаться.
Отложим наше дело! Подыми
Свой щит, надень сверкающие латы
На плечи, дорогие мне! Охотно
Готова я их одолжить для дела
Несчастных этих королев. Все королевы
(Эмилии) Проси,
Проси за нас! Обида наша просит
Коленопреклоненья твоего! Эмилия
(преклоняя колени) О повелитель, если не исполнишь
Того, о чем сестра моя просила,
С готовностью и смелой быстротой,
То никогда и ни о чем не буду
Тебя просить я; даже не отважусь
Себе супруга выбрать. Тезей Встаньте, встаньте!
Я сам решил исполнить то, о чем
Вы просите так слезно. Пиритой!
Сопровождай невесту! Помолитесь
Богам прилежно о победе нашей
И скором возвращенье. Торжества
Свершить все без изъятия! Королевы,
Идите вслед за воином своим!
Артезий, как тебе велел я раньше,
Сбирай войска; у берегов Авлиды
Меня ты встретишь с половиной рати,
Достаточной и для труднейших дел.
Итак, спешу! Дозволь же, дорогая,
Запечатлеть мне на устах румяных
Прощальный поцелуй!
(Целует Ипполиту.)
Храни его,
Как мой завет. Скорее же в дорогу,

Скорей! Артезий уходит. Прощай, красавица сестра!
Ты ж, Пиритой, заботься, чтобы праздник
Своим порядком шел и ни на час
Не сократился б. Пиритой Государь, дозвожь мне
Идти с тобой; не в праздник будет праздник,
Пока ты не вернешься. Тезей Нет, кузен!
Прошу не делать из Афин ни шагу.
Надеюсь я, что мы вернемся раньше,
Чем кончится ваш пир; прошу его
Не сокращать. Еще раз, все прощайте! Первая королева Весь мир тебя
восславит! Вторая королева Равным Марсу
Ты станешь божеством! Третья королева Быть может, выше:
Затем, что ты, хоть смертный, но смиряешь
Любовь перед божественною честью.
Как говорят, такое испытанье
Едва выносят даже боги. Тезей Мы же,
Как люди, это выдержать должны.
Когда своим страстям мы уступаем,
Мы недостойны имени людей.
Прощайте же; иду за вас на битву. Трубы.
Все уходят. Сцена 2 Фивы. Двор перед дворцом.
Входят Паламон и Аркит. Аркит О Паламон, друг милый, мне родной
По сердцу даже больше, чем по крови,
С невинной, неиспорченной душой!
Кузен, покинем этот город - Фивы
Со всеми их соблазнами, пока
Еще чиста, без пятен наша юность!
Оставшись здесь, обречены мы оба
На стыд, когда останемся воздержны,
И также - если бросимся в разврат.
Не плыть с течением - значит погрузиться
И потонуть в борьбе бесплодной с ним;
А если мы теченью подчинимся,
Оно нас унесет в водоворот,
В котором мы погибнем иль насилу
Лишь выбьемся, ослаблены навек. Паламон Ты прав; примеры привести не
трудно.
С тех пор, как мы с тобой учились в школе,
Как изменился город наш родной,
Какое всюду видно разоренье!
Везде вокруг - лишь камни да трава;
Вот все, что приобрел завоеватель,
Поставивший своею гордой целью
Почет и слитки золота; и вот
Того уж нет, за что борьба кипела!
И кто же смеет Марсу предложить
Такой алтарь позорный? Право, кровью
Все сердце обливается, когда
Я вижу это. О, как я хотел бы,
Чтобы опять великая Юнона
Прониклась прежней ревностью своей,
Чтоб воин снова получил работу,
Очистил бы презренный этот мир
От гнусного обжорства, чтобы снова
Его смягчилось сердце, в эти годы
Сильнее загрубевшее, чем было
Среди войны и тяжких битв. Аркит И только?
Не видишь ты иного разоренья,
Как лишь паденье в Фивах духа войн?
Когда ты начал говорить, казалось,
Что и в другом упадок видишь ты.
Ужель жалеть нам не о чем, как только
О том, что дух военный здесь в упадке? Паламон Мне жаль всего, что здесь в
пренебреженье,
Но более всего жаль тех, кому,
За жаркий пыл труда их ради чести,
Здесь платят льдом, чтоб пыл тот охладить. Аркит Я не об этом говорил, а
только
О том, что добродетель в наших Фивах
Не ценится; я говорил о том,
Как было б нам опасно здесь остаться,

Когда хотим мы честность сохранить.
Здесь зло имеет вид добра, добро же
Считается за зло; не быть мерзавцем
Здесь значит быть чужим, а быть таким,
Как все другие - значит быть уродом. Паламон Все это так; но, право, в
нашей власти
Вести себя, как надо; стоит только
Не брать примера с обезьян. Кто может
Меня принудить, чтобы я пошел
Чужим путем, идущим мимо чести?
Кто б мог меня заставить перенять
Чужой язык, когда своею речью
Могу я все, что нужно, изъяснить?
Чем связан я, чтоб следовать безумцу,
Следящему прилежно за портным,
Пока портной за ним следить не станет?
Чем худ мой брадобрей, а вместе с ним
Мой бедный подбородок, если бреюсь
Я не пред модным зеркалом? Какой
Закон меня заставит, снявши шпагу
С бедра, к руке ее привесить? Я
Хочу быть первой лошадью в упряжке,
Иль вовсе не везти. Все эти вещи
Так вздорны, так ничтожны, маловажны,
Что стоит ли заботиться о них?
Другая мысль меня терзает, мучит
Мне сердце; это... Аркит Дядя наш Креон. Паламон Да, он, тиран, забывший
честь и меру!
Его успехи повели к тому,
Что гнев небес стал никому не страшен;
Все негодяи думают, что нет
Могущества сильней их гнусной власти;
Он даже веру подорвать готов,
Боготворя лишь гнусную удачу;
Чужие силы, ум чужой он ценит
Своих лишь ради прихотей и целей;
Добычу, почесть, славу, - все себе
Он рад присвоить; зла он не боится,
Добро ж творить не смеет. Всю ту кровь,
Какая есть во мне ему родная,
Хотел бы я, чтоб высосали пьявки
Из жил моих, освободив меня
От этой злой заразы! Аркит Ум твой ясен,
Мой дорогой кузен; уйдем отсель,
Чтоб не делить бесчестья со злодеем!
Ведь может наше молоко принять
Вкус пастбища; придется подчиниться
Всем гнусностям иль отказать ему
В покорности; не можем быть родными
Ему мы ни по крови, ни по духу. Паламон Да, это так; согласен я с тобой.
Мне кажется, что оглушил он небо
Злодействами своими, так что боги
Не слышат вопля вдов. Но вот Валерий! Валерий Король к себе зовет вас; но
идти
К нему не торопитесь: пусть немного
Его утихнет ярость. Крики феба,
Которыми он погонял коней
На лучезарной колеснице солнца,
Сломавши бич свой, эти крики - шепот
В сравнении с ревом гнева короля. Паламон Его и слабый ветер потрясает!
Но что ж могло случиться с ним? Валерий Тезей,
Которого угрозы не напрасны,
Ему прислал сегодня грозный вызов
И обещает Фивы разорить.
Он двинулся в поход уж, чтоб исполнить
Свои слова. Аркит Пускай себе идет;
Лишь гнев богов в нем страшен нам, а сам он
Нимало нас не может испугать.
Но как стоять за честь свою, - а это,
Конечно, неизбежно, - если ясно,
Что право не нашей стороне? Паламон Теперь об этом рассуждать не время:

Не за Креона мы стоим, – за Фивы.
Держаться в стороне – бесчестно было б,
Сопротивляться – было б мятежом.
А потому должны мы быть с ним вместе
И покориться случаю, который
Застал нас в это время вместе с ним. Аркит Да, это верно. Что же, началась
ли
Уже война, иль, может быть, начнется,
Когда Креон условий не исполнит,
Поставленных противником? Валерий Война
Уж началась; гонец принес известие
Об этом вместе с вызовом. Паламон Итак,
Идемте ж к королю. О, если б чести
Хоть четверть было в нем, в сравнении с честью
Врага его, то кровь свою с отрадой
Могли б пролить мы! Жертвой нашей жизни
Мы принесли бы пользу. Но увы!
Теперь сражаться будут наши руки,
А сердце будет чуждо им; смерть наша
Не принесет ни пользы, ни вреда. Аркит Пусть будет рок судьбою; он единый
Не делает ошибок никогда.
Мы знаем только, что велит нам совесть,
Судьба же пусть творит, что суждено.
(Уходят.) Сцена 3 Перед воротами Афин.
Входят Пиритой, Ипполита и Эмилия. Пиритой Прошу вас дальше не идти.
Ипполита Прощай же
И государю передай привет наш.
Не смею я питать сомнений робких
В его успехе; буду лишь желать
Ему избытка мужества и силы
В опасностях. Спешу к нему скорей:
Как ни искусен полководец, – помощь
Излишнею не будет никогда. Пиритой Хоть океан его могучей силы
В содействии моих немногих капель,
Конечно, не нуждается, но все же
Я дань свою обязан принести.
(Эмилии.)
Достойнейшая дева! Все, что небо
Дает своим созданьям лучшим в дар,
Все те дары царят на пышном троне
В прекрасном сердце девственном твоём! Эмилия Благодарю, и царственному
брату
Прошу привет мой передать. Я буду
Великую Беллону умолять
Помочь ему, и, так как просьбы смертных
Без жертвы не доходят до богов,
Я поспешу узнать, какая жертва
Приятна ей. Душой мы с государем
В бою, в его палатке. Ипполита В нем самом!
Мы сами были воины; не станем
Мы плакать, если в шлемах на войну
Идут друзья иль в море отплывают;
Мы слез не льем, услышав о младенцах,
На копья воткнутых, о матерях,
Которые детей своих варили
И, съев их, горько плакали о них;
Будь мы такими пряхами простыми,
Мы б вас не отпустили от себя. Пиритой Пошли вам небо мир, пока я буду
Там, на войне: надеюсь, что тогда
Исход ее вам не внушит сомнений.
(Уходит.) Эмилия Как он стремится к другу своему!
С тех пор, как нет Тезея с нами, – в играх
Хотя, как прежде, ловок Пиритой,
Но мало к ним внимателен; удача
Не льстит ему, а промах – безразличен;
Руками совершает он одно,
А на уме его – совсем другое;
Так принужден он думать о вещах,
Несходных меж собою. Наблюдала ль
Его ты в это время? Ипполита Да, конечно;
И мне он дорог стал. Они с Тезеем

Вдвоем живали в диких захолустьях,
Неся нужду, рискуя каждый миг
Своею жизнью; бурные потоки,
Из коих наименьший был ужасен
Неистовую силою своей
Они вдвоем переплывали; вместе
Они сражались там, где смерть гнездилась,
И вместе грозный рок их пощадил.
Их прочная любовь узлу подобна,
Который и завязан и запутан
Искуснейшими пальцами так сложно,
Что может быть разрублен, но нельзя
Его ослабить. Кажется мне даже,
Что сам Тезей, когда б он мог раздвоить
Свое сознание и затем сравнить
Ту и другую часть, - решить не мог бы,
которую он любит больше. Эмилия Правда!
Но некто есть, кого он любит больше,
И это - ты, конечно. Я сама
Была дружна с одной подругой детства;
Ты на войне была, когда она
Увы, так рано - в гроб легла печальный,
В роскошную, но грустную постель,
Простившись с милым месяцем, который,
Казалось, от разлуки побледнел.
Одиннадцать ей было лет, мне также. Ипполита я помню: то была Флавина.
Эмилия Да.
О дружбе Пиритоя и Тезея
Ты говорила; эта их любовь
Взаимная - серьезна и разумна,
Возникла в зрелом возрасте она;
Ее могла бы я сравнить с водою,
Повсюду пропитавшей разветвления
Корней их дружбы, тесно меж собою
Сплетенных. Наша ж детская любовь,
Любовь моя и той, о ком, вздыхая,
Сейчас с тобою говорила я,
Была едва сознательна, невинна
И все-таки сильна и глубока;
Как действуют стихии, - без рассудка,
Не зная, что, и как, и почему,
И все ж творят великое, - так точно
Стремились сердцем мы одна к другой.
Что любо было ей, - мне было любо
Без рассужденья; если я срывала
Цветок, чтоб меж грудей моих воткнуть,
Тогда еще едва лишь припухавших
Вокруг сосцов, - старалась и она
Найти цветок такой же и спешила
Вложить его в такую ж колыбель
Невинную, где сладко умирал он,
Благоухая, фениксу подобный.
Любила ль я уборы головные,
Они и ей служили образцом;
Любила ли она покроей одежды,
Всегда изящный, хоть порой небрежный,
И мне покроей тот нравился всегда;
Когда я чутким уловляла ухом
Мотив и напевала что-нибудь,
Старалась и она его запомнить,
И тот напев ее не покидал:
Сквозь сон его Флавина напевала.
Вся эта речь, столь длинная, - как это
Понятно всем, кто чист душой,
Лишь плод побочный сладкого былого,
И цель ее лишь в том, чтоб показать,
Что и любовь простая девы к девице
Порой сильнее, чем зрелая любовь. Ипполита Ты - вне себя. Ты хочешь этой
речью,
Столь быстрою и страстною, - сказать,
Что никогда не будешь ты мужчиною

Любить так нежно, с силою такой,
Как девочку Флаину ты любила. Эмилия да, в этом я уверена. Ипполита Увы,
Сестренка, в этом я тебе не верю,
Как не поверю, чтобы аппетит
Мог быть совместен с отвращением к пище.
Но если б я могла тебе поверить,
Меня ты оттолкнула б от руки
Героя благородного – Тезея,
О счастье которого теперь
Готова я молиться, твердо веря,
Что царствую я в сердце у него
Прочней, чем Пиритой. Эмилия Не стану спорить,
Но при своем я мнении останусь. Звуки рожков. Ипполита и Эмилия уходят.
Сцена 4 Поле близ Фив. За сценой шум битвы. Отбой. Трубы. Входят Тезей,
одержавший победу, герольд и свита. Три королевы встречают Тезея и падают
перед ним ниц. Первая королева Звезда твоя вовек да не затмится! Вторая
королева Земля и небо да благословят
Тебя навеки! Третья королева Кто ни пожелал бы
Тебе всех благ, – воскликну я: аминь! Тезей С высот небесных боги
беспристрастно
На смертных нас взирают и творят
Свой правый суд, карая по заслугам.
Идите же теперь, чтоб разыскать
Тела супругов ваших; погребенье
Им воздадим мы с торжеством тройным.
Пусть в пышности скорей избыток будет,
Чем недостаток. Мы пошлем людей,
которые в правах законных ваших
Вас водворят и все устроят вам,
Чем лично мы заняться здесь не можем
По недостатку времени. Прощайте ж
И да хранят вас небеса! Королевы уходят. Вносят Паламона и Аркита, они без
сознания, на носилках. Кто это? Герольд Судя по их значению в войске, –
лица
Высокие. Я слышал, что они
Из знати Фив, двоюродные братья
И короля племянники. Тезей Клянусь
Шеломом Марса; я в бою их видел!
Как пара львов, добычу жадно рвущих,
Они себе прокладывали путь
В рядах врага, во всех вселяя ужас.
Я не сводил с них глаз: они являли
Мне зрелище, достойное богов.
Что пленник мне сказал, когда спросил я,
Как их зовут? Герольд Зовут их, сколько помню,
Аркит и Паламон. Тезей Так, это верно;
Припоминаю. Живы ли они? Герольд Не живы и не мертвы; если взяты
Они в то время, как нанесли сбирались
Последние удары, – может быть,
Они еще очнутся. Оба дышат
И сохраняют звание людей. Тезей Тогда прошу я с ними обращаться,
Как с честными людьми. Во много раз
Такие дрожжи лучше и ценнее,
Чем зрелое вино в лице других.
Пусть наши все хирурги им помогут;
Целительных бальзамов – не жалеть!
Жизнь этих двух – дороже нам, чем Фивы.
Конечно, если б, полные здоровья
И сил, они остались на свободе,
Я предпочел бы мертвыми их видеть;
Но в сорок тысяч раз приятней мне
Теперь в плену их сохранить живыми.
Несите ж их отсюда прочь скорее,
От нашего лица: хотя мы к ним
И благосклонны, – нам они враждебны.
Служите им, как люди могут людям
Служить, и даже больше – для меня!
С тех пор, как мне все ужасы знакомы,
Гнев, ярость, заклинания друзей,
Свободы жажда, бешенства порывы,
Любовь и ревность и супруги просьбы,

Все это наложило на меня
Свою печать, - природа не могла бы
Ее без принужденья наложить:
Я мягче стал в своих веленьях; больше
Рассудок с волей борется во мне.
Итак, во имя Аполлона, ради
Любви моей, - что лучшего есть в нас,
Пусть это все сослужит службу лучшим
Их качествам! Теперь пойдете в Фивы;
Исполнив там, что нужно, мы обратно
Пойдем в Афины во главе полков. Трубы. Все уходят. Свита уносит Паламона и
Аркита. Сцена 5 Другая часть того же поля, далее от Фив. Торжественная
похоронная процессия. Входят королевы, сопровожда
носилки с телами королей. Хор Все урны, все благоуханья
Пусть унесут отсюда прочь!
Пусть стоны, плач и воздыханья
День ясный превращают в ночь! Мрачнее смерти скорби наши,
Мы погребальный льем бальзам,
Слезами наполняем чаши
И шлем стенанья к небесам! Прочь, быстроокая отрада!
Печаль, веселья враг, приди!
Прочь утешения, - их не надо;
Лишь скорбь лелеем мы в груди! Третья королева Здесь к нашим усыпальницам
дороги
Расходятся. Пусть снова радость к вам
Придет, а к мертвым - тихий мир. Вторая королева
(первой) Вот там
Твоя дорога. Первая королева
(второй) Там - твоя. Вторая королева Хоть боги
Ведут всегда по разным нас путям,
Но всех к концу приводят роковому. Третья королева Наш мир подобен городу
большому,
Где много улиц к площади ведут:
Та площадь - смерть, и все туда придут.
(Расходятся). АКТ II Сцена 1 Афины; сад; на заднем плане - тюрьма. Входят
тюремщик и жених его дочери. Тюремщик На мой век мне довольно малого;
кое-что я оставлю вам, но немного. Что делать! Я служу при тюрьме,
назначенной для важных узников, но такие здесь редко бывают: пока попадетса
семга, наловишь множество пескарей. Обо мне ходят слухи, что я богаче, чем
это есть на деле; мне хотелось бы, чтобы я был таким, как обо мне
рассказывают. Как бы то ни было, я клянусь, что завещаю моей дочери все
имущество после моей смерти. Жених Я ничего не требую, кроме того, что вы
сами обещаете, и со своей стороны исполню все, что обещал вашей дочери.
Тюремщик Ладно, мы поговорим об этом подробнее, когда все торжества
окончатся. Но имеете ли вы согласие моей дочери? Если да, то я согласен.
Жених Я имею ее согласие. Вот идет она сама. Входит дочь тюремщика.
Тюремщик Мы с твоим другом говорили здесь об известном тебе деле. Теперь не
будем больше говорить об этом, пока суматоха при дворе не пройдет; тогда мы
побеседуем окончательно. Будь внимательна к узникам: я слышал, что это
принцы. Дочь тюремщика Вот эти покрывала назначены для их комнаты. Право,
жаль, что они в тюрьме; впрочем я пожалела бы тоже, если бы их здесь не
было. Мне кажется, что своим терпением они могут посрамить всякое
несчастье; сама тюрьма гордится ими, а они в своей комнате вмещают целый
мир. Тюремщик Говорят, что они оба - просто совершенство. Дочь тюремщика Я
готова поклясться, что всякая слава мала для них: они стоят гораздо выше
всяких росказней. Тюремщик Я слышал, что в битве они одни только и
сражались храбро. Дочь тюремщика Весьма вероятно; это благородные
страдальцы. Воображаю, как прекрасны были бы они, если бы остались
победителями, - с таким благородством они остаются свободными, несмотря на
тюрьму, превращая свое горе в веселье и подшучивая над своим несчастьем.
Тюремщик Неужели? Дочь тюремщика У них такой вид, как будто они так же мало
знают о своей неволе, как я об афинском правительстве. Они хорошо едят,
смотрят весело и разговаривают обо всем, кроме своего плена и своей беды.
Лишь изредка у одного из них вырывается вздох, как бы рожденный в муках;
тогда другой сейчас же упрекает товарища, но так нежно, что мне самой
хотелось бы вздохнуть, чтобы быть так наказанной или, вернее сказать, чтобы
вздох принес мне такое утешение. Жених Я никогда не видал их. Тюремщик
Ночью сам герцог тайно приходил сюда, и они вели себя точно так же. Не
знаю, что это значит. В окне тюремной башни показываются Паламон и Аркит.
Смотрите, вон они; это выглядит Аркит. Дочь тюремщика Нет, это Паламон;
Аркит пониже ростом, и его почти не видно. Тюремщик Довольно, не

показывайте на них пальцами; не нужно, чтобы они нас видели. Уйдем отсюда. Дочь тюремщика Смотреть на них – просто праздник. О боги! Как люди бывают различны! (Уходят.). Сцена 2 Там же. Входят Паламон и Аркит Паламон Как поживаешь, дорогой кузен? Аркит Как ты живешь? Паламон Во мне осталось силы

Довольно, чтоб смеяться над несчастьем
И жребий несть, войною данный нам.

Мы узники, кузен, – боюсь – навеки. Аркит Да, кажется, что так; и я готов
Покорно ждать велений злой судьбины. Паламон О, дорогой Аркит мой! Что-то
фивы?

Что с нашими друзьями и родными?

Как грустно знать, что родины прекрасной

Мы больше не увидим никогда;

Не будем мы на играх благородных

Смотреть на смелых юношей фивян,

Несущих гордо бант от дамы сердца

И мчащихся, подобно кораблям

На парусах; не будем становиться

Мы с ними в ряд, чтоб ринуться вперед

Быстрее, чем восточный буйный ветер,

И за собой соперников оставить,

Как стаю туч, и в беге быстрых ног

При возгласах восторженных народа

Добыть венцы победные скорей,

Чем пожелать победы нам успеют!

Не будем мы, как чести близнецы,

В бою с врагом отважно биться рядом;

Не будут кони гордые под нами,

Как море, волноваться и кипеть!

Увы, мечи сверкающие наши,

Сам бог войны кровавыми очами

Меча грозней и лучше не видал,

Мы их лишились! Их судьба – заржаветь,

Состарившись; они украсят храмы

Богов, которым ненавистны мы!

Извлечь их нам не суждено, чтоб в битве

Толпу врагов, как молнией, разить! Аркит Нет, Паламон; увы, надежды эти

В плену, как мы; увянет наша юность

В тюрьме, как слишком ранняя весна.

Нас старость здесь застанет, Паламон,

И, что всего ужаснее, – безбрачных.

Объятий сладких любящей жены,

Вооруженных чарами Амура,

Увы, не будут шеи наши знать;

Потомства не оставим мы; не будем

Смотреть на повторенье наших лиц

В утеху нашей старости, не будем

Учить своих прекрасных сыновей,

Как молодых орлят, бесстрашным оком

Смотреть на блеск мечей: "Не забывают,

кто ваш отец; старайтесь победить!"

Оплачут нас прекраснейшие девы

и будут в грустных песнях проклинать

судьбу слепую, чтобы устыдилась

она несправедливости своей,

сгубившей нашу радостную юность.

Вот весь наш мир! Здесь будем видеть мы

друг друга лишь; о горе нашем тяжком

лишь бой часов рассказывать нам будет;

не суждено нам видеть, как на воле

созреет виноград; настанет лето

и принесет всем радости, – а здесь

царить зима в жилище нашем будет. Паламон Ты прав, Аркит. Фиванских верных
псов,

леса родные оглашавших лаем,

не будем мы, как прежде, громко звать;

метать не будем острых копий наших

в свирепых вепрей, в ужасе пред нами

бегущих, как парфянские стрелки,

не поразим их нашей острой сталью!

вся мужества отрада, все утечи

Отважных душ – умрут для нас навек,
И, что всего ужаснее для чести,
Угаснем мы в бездействии пустом,
Как дети плена, грустно и безвестно. Аркит Все это так. Но все же я скажу,
Что даже в этой бездне злого горя
Из этих всех ударов злой судьбы
Две выгоды большие происходят:
Во-первых, если боги соизволят,
Свою мы твердость можем показать,
А во-вторых – мы здесь вдвоем с тобою.
Пусть пропаду я, если эти стены
Считать я буду за тюрьму, пока
Мой Паламон со мною! Паламон Да, конечно,
Мы счастливы, что нас судьба связала.
Две честные, высокие души,
Два благородных тела оживляя,
Сумеют злобе случая слепого
Противостать, пред горем не падут,
Пасть не должны, хоть, право, и могли бы:
Лишь стоит умереть, – конец всему! Аркит Не можем ли найти мы долю счастья
Средь этих стен, столь ненавистных всем? Паламон Но как, кузен? Аркит
Вообразим себе,
Что мы живем в святилище, чтоб скрыться
От злых людей, которые могли бы
Испортить нас влиянием своим;
Мы молоды, идем путями чести,
Свобода же и разговор пустой
Яд чистых душ; они могли б, пожалуй,
Нас соблазнить, как женщины, – и вот
Мы сбились бы с пути. А здесь – чего
Воображеньем мы достичь не можем?
Мы без конца принадлежим друг другу;
Ты для меня жена, – я для тебя,
И оба мы все вновь и вновь рожаем
Детей любви; друг другу мы – отец,
Друзья, семья, знакомство; мы друг другу
Наследники, наследство ж – эти стены;
Их никакой насильник не отнимет;
Вооружась терпением, мы можем
Здесь долго жить, любовью наслаждаясь;
От пресыщения мы здесь изъяты;
Нам не грозит война, и волны моря
Не поглотят нас. Будь мы на свободе,
Должны б мы были время разделять
С женой, с делами; нашего знакомства
Искали бы дурные люди; мог бы
Я захворать, а ты бы мог не знать,
Что болен я; и я бы умер, ты же
Своею благородною рукой
Мне не закрыл бы глаз, не помолился б
Богам при этом. Тысяча причин
Вне этих стен могла бы разлучить нас! Паламон Благодарю, Аркит! Твои слова
Мне сделали мой плен – почти отрадой!
Как грустно было б жить мне где-нибудь
Вне этих стен: я б походил на зверя!
Тюрьма – дворцом прекрасным стала мне;
Все развлеченья суеты блестящей,
Весь мир – я вижу – только тень пустая;
Которую уносит, проходя,
Седое время. Что бы случилось с нами,
Когда б мы жили при дворе Креона,
Где грех – закон, а прихоть и разврат
Всей знати доблесть! О Аркит мой милый!
Когда бы боги нас не привели
Сюда, в темницу, – мы, в грехах состарясь,
Как все другие, умерли б; никто бы
Нас не оплакал; надписью надгробной
Проклятие народа было б нам!
Сказать еще? Аркит Я слушаю. Паламон Возможно ль,
Скажи, чтоб были где-нибудь два друга,
Которых дружба пламенной была б,

Чем наша? Аркит Нет, конечно, невозможно. Паламон Нет ничего на свете, что б могло
Разрушить наш союз. Аркит Пока мы живы,
Он будет жить, а после нашей смерти
Туда придем мы, где любовь вечна. Внизу в сад перед тюрьмой входит Эмилия в сопровождении
служанки. Эмилия Прекрасный сад! Здесь целый мир отрады!
Как этот называется цветок? Служанка Сударыня, его зовут нарциссом. Эмилия Нарцисс... Прекрасный юноша он был,
Но так безумен, что в себя влюбился.
Иль мало было девушек тогда? Аркит
(стараясь заглянуть в окно, в которое смотрит Паламон) Пусти, кузен.
Паламон Сейчас. Эмилия Иль, может быть,
Они жестоки были все? Служанка Возможно ль
Жестокой быть перед таким красавцем? Эмилия Ты не могла б? Служанка И даже
не должна бы. Эмилия Хорошая девица! Постыдись,
Немного хоть припрячь свою готовность! Служанка Но почему ж? Эмилия Мужчины
нам опасны. Аркит Пусти ж меня, кузен! Эмилия Умеешь ты
Цветы такие вышивать шелками? Служанка Умею, госпожа. Эмилия Так я хочу,
Чтоб ими было вышито все платье,
Вот этими, - и эти так красивы!
Неправда ли, как славно будет ими
Весь борт украсить? Служанка Дивно, госпожа! Аркит Кузен, кузен мой,
Паламон: что скажешь? Паламон Теперь лишь вижу, что в темнице я! Аркит Нет,
какова она, скажи? Паламон Прелестна!
Клянусь я небом, - это божество! Аркит А! Паламон Будь, Аркит, почтителен и сдержан:
Богиня пред тобой! Эмилия Из всех цветов,
Мне кажется, прекраснее всех - роза. Служанка Осмелюсь ли спросить я:
почему? Эмилия Она - эмблема девственности чистой:
когда ее Зефир ласкает нежно,
Она цветет так скромно, распускаясь,
Румяная, под солнцем золотым;
когда ж Борей нетерпеливый грубо
касается ее, - она стыдливо
сжимается, скрывая всю красу
В зеленой почке: пусть Борей ласкает
Простой терновник. Служанка Право, госпожа,
Такая скромность иногда чрезмерна:
Не гибнуть же из-за нее цветам!
Мне кажется, порядочной девице
Совсем не стоит с розы брать пример. Эмилия Бесстыдница! Аркит О, как она
прекрасна! Паламон Вся красота соединилась в ней! Эмилия Уж солнце высоко,
- пора домой.
Возьми цветы: посмотрим мы, насколько
Искусство может подражать их краскам.
Не знаю, отчего мне так легко,
Так весело, так хочется смеяться! Служанка А я не прочь бы лечь. Эмилия И
положить
Кого-нибудь с собой? Служанка Пожалуй, если
Мы сговоримся. Эмилия Что же, сговорись!
(Уходят.) Паламон Что скажешь ты об этой красоте? Аркит Она на редкость
хороша. Паламон На редкость?
И только!? Аркит Да, прекрасна, несравненна. Паламон Ведь голову возможно
потерять,
В нее влюбившись? Аркит Право, я не знаю,
Что ты бы сделал, - я ж готов поклясться,
Что голову уже я потерял. Паламон Ее ты любишь? Аркит Можно ль не любить?
Паламон Владеть ты ею хочешь? Аркит Да! Свободы
дороже мне она! Паламон Но все ж я первый
Ее увидел. Аркит Что же из того? Паламон Нет, это важно. Аркит Но я тоже
видел
Ее! Паламон Не должен ты ее любить! Аркит Да, я не буду на нее молиться,
как ты, не буду называть богиней
Небесною: хочу ее любить
как женщину, чтоб ею наслаждаться.
Так оба можем мы любить. Паламон Не смей
любить ее совсем! Аркит Как? Чтоб не смел я
любить ее? Но кто ж мне запретит? Паламон Я запрещу! Ее увидел первый я;
Мой глаз впервые завладел красую,
Которую в ней небеса открыли

Для смертных! Если будешь ты, Аркит,
Любить ее и тем грозить надеждам
Любви моей, – тогда изменник ты,
Ты так же лжив, как не имеешь права
Любить ее! От дружбы, от родства,
От всякой нашей связи отрекусь я,
Когда посмеешь думать ты о ней! Аркит Да, я ее люблю, и всю жизнь
Своей готов я это доказать!
люблю ее душой, любить я должен!
И если это поведет к разрыву
Между тобой и мною, Паламон,
Тогда прощай! люблю я, повторяю!
И утверждаю, что ее любви
Достоин я и что любить я волен
И столько ж прав имею на нее,
Как Паламон какой-нибудь, как всякий,
Кого мужчины сыном мы зовем! Паламон Тебя ль я другом звал? Аркит И был я
другом!
Зачем ты так волнуешься? Позволь
Поговорить с тобою хладнокровно:
Не я ль – часть плоти и души твоей?
Не сам ли ты твердил еще недавно,
Что ты – Аркит, я ж – Паламон? Паламон Так, так! Аркит А если так, то разве
не могу я
Участие принять в твоей любви,
В твоих печалях, радостях и страхе,
Во всех страданиях? Паламон Да, ты это можешь. Аркит Так почему ж так
злобно, так коварно
Ты смотришь, точно ты мне стал чужим
И не в родстве со мною благородном?
Ее один желаешь ты любить!
Скажи мне прямо: разве недостойн
я на нее смотреть? Паламон Достойн ты,
Но ты не прав, стремясь ее увидеть. Аркит Как? Потому, что кто-нибудь
заметит
Врага скорей, чем я, – обязан я
Спокойно ждать, о чести забывая,
Не нападать? Паламон Да, если враг один. Аркит А если враг грозит мне
нападением? Паламон Пусть сам он скажет это, – и тогда
Свободен ты; теперь же, если станешь
Преследовать ее, – будь проклят ты,
Как враг страны, как негодяй клейменный. Аркит Ты сумасшедший. Паламон Буду
сумасшедшим,
Пока ты стоишь этого, Аркит,
И если в этом бешенстве удастся
Мне погубить тебя, – я буду прав. Аркит Фуй, фуй! Себя ведешь ты, как
ребенок.
Ее любить я буду, смею, должен,
Имею право! Паламон О, когда б судьба
Нам даровала только час свободы
И наши добрые мечи, чтоб мог
Ты, лживый друг, сойтись со мной лицом к лицу!
Тебе тогда я скоро б показал,
Что значит похищать любовь у друга!
Ты сердцем ниже, чем презренный вор!
Посмей хоть раз лишь выглянуть в окошко:
Клянусь, тебя к нему я пригвозжу! Аркит Ты этого не смеешь, полоумный!
Ты этого не можешь, ты бессилён!
Я выгляну не только головой,
А выйду всем телом; в сад я прыгну,
Когда ее увижу, – отдохну
В ее объятьях для твоей досады! Паламон Молчи пока: сюда идет тюремщик;
живи, чтоб мог я череп раздробить
Тебе вот цепью эту. Аркит Попробуй! Входит тюремщик. Тюремщик Прошу
прощения, господа. Паламон Что нужно,
Почтеннейший тюремщик? Тюремщик Принц Аркит,
К себе вас герцог требует, – причина
Мне неизвестна. Аркит Я готов, тюремщик. Тюремщик Принц Паламон, я
принужден лишить
Вас общества прекрасного кузена. Паламон Лиши меня хоть жизни, – все равно!
Тюремщик и Аркит уходят. Зачем его отсюда отозвали?

Возможно, что он женится на ней:
Быть может, герцог о происхождении
Его, о красоте его узнал...
Но до чего коварен он! Возможно ль,
Чтоб друг так друга предавал? О, если
Такую благородную жену,
Красавицу такую он получит,
То честному не стоит и любить!
О, если бы хоть раз еще единый
Увидеть мне ее!
(Смотрит в окно.)
Счастливей сад!
Твои цветы блаженствуют в сиянии
Очей ее прекрасных! О, когда бы,
Хотя б ценою будущей всей жизни,
Я мог стать этим малым деревцом,
Цветущим абрикосом! как я рос бы,
Как жадно ветви простираю бы я
К ее окну! Плоды я приносил бы,
Достойные стола самих богов;
Отведав их, она цвести бы стала
Еще пышней, еще прекрасней вдвое,
И, если эта дева не богиня,
Она подобна стала бы богам
Настолько, что они бы устрашились.
Наверное за это все она
Меня бы полюбила! Входит тюремщик. А, тюремщик!
Что, где Аркит? Тюремщик Он изгнан из страны.
Принц Пиритой ему освобождение
Доставил, но с условием одним,
Чтоб он поклялся жизнью своею,
Что никогда ногой он не коснется
Земли афинской. Паламон
(в сторону) Он счастливеец! Фивы
Увидит он опять, собрать он может
Опять, как прежде, юношей отважных,
Которые, когда прикажет он,
Сражаться будут пламенно; возможно,
Что он войну начнет из-за нее,
И если он тогда не овладеет
Красавицей – он будет жалким трусом;
А если точно благороден он,
Он тысячу найдет путей отважных,
Чтоб ею завладеть. О, если б я
Был на свободе, – подвигов великих
Я совершил бы столько, что она,
Сама она, прекраснейшая дева,
В мужчину превратиться пожелала б,
Чтоб покорить меня! Тюремщик Достойный принц!
Я дело к вам имею. Паламон Дело? Чтобы
Отделаться навеки от меня?
Убить меня? Тюремщик О, нет; но вашу светлость
Приказано отсюда удалить:
Окно здесь слишком велико. Паламон Чтоб черти
Побрали всех завистников! Прошу
Убей меня! Тюремщик Тогда меня повесят. Паламон Клянусь сиянием солнца,
если б меч
Мне дали, я б убил тебя! Тюремщик За что же? Паламон Ты все такие вести мне
приносишь,
Что жизни, право, не достоин ты.
Я не пойду. Тюремщик Пойдемте, принц: так надо. Паламон Я буду видеть сад
оттуда? Тюремщик Нет. Паламон Так ни за что я не пойду. Тюремщик Я должен
Принудить вас, а так как вы опасны,
Оков я должен больше наложить. Паламон Что ж, наложи, любезный; ими стану
Я так трясти, что спать я вам не дам:
То будет новый мавританский танец!
Так должен я идти? Тюремщик Увы, должны! Паламон
(в сторону) Итак, прощай же, милое окошко!
Пусть никогда тебя не смеет ветер
Захлопнуть! О, красавица моя!
Знавала ль ты когда-нибудь, что значит

Тоска? И если знала, то пойми,
Как горько мучаюсь в своей печали я!
(Тюремщику.)
Ну, что ж, идем: похорони меня.
(Уходят.) Сцена 3 Местность близ Афин. Входит Аркит. Аркит Я изгнан из
Афин. Конечно, – это
Благодаянье мне, – благодарю!
Но жить в изгнании, чтобы не видеть вечно
Той, для кого я рад бы жизнь отдать,
О, это казнь изысканная, гибель
Ужасней смерти, это – злая кара,
Какую я не мог бы заслужить,
Будь даже я преступный, старый грешник!
Перед тобою, Паламон, открыто
Ристалище; быть может, каждый день
Встречать ты будешь взор ее блестящий
В окне своем, и жить ты будешь им!
Ты можешь наслаждаться красотой,
которой нет подобной и не будет!
О, как богами взыскан Паламон!
Бьюсь об заклад: заговорит он с нею,
И, если сердце нежно у нее
Настолько ж, как ее прекрасен образ,
Клянусь, она достанется ему!
Его язык смирить способен бурю,
Способен он очаровать скалу!..
Но будь что будет: смерть всего ужасней;
Я из страны афинской не уйду;
В развалинах страна моя родная,
И если я уйду, то все погибло:
Он ею овладеет. Решено:
Я вид иной приму, переоденусь
И попытаю счастья иль погибну.
Так или нет, – хочу счастливым быть,
жить близ нее иль более не жить. Входят четыре крестьянина, пятый идет
впереди
и несет венки. Первый крестьянин Товарищи! Туда пойду я, право! Вторым
крестьянин И я иду туда! Третий крестьянин И я туда! Четвертый крестьянин
Эх, парни! Уж куда ни шло: за вами
Пушусь и я! Ну что мне брань жены?
Пускай сегодня этот плуг попашет,
А завтра я отлично из него
Кляч выпрягу. Первый крестьянин Сужу я точно так же:
Моя жена ревнива, как индюк;
А мне-то что? Пускай себе бормочет! Второй крестьянин Борт к борту с нею
следующей ночью
Сойдешься ты и тем поправишь все! Третий крестьянин Да не забудь указку
дать ей в руку:
Взяв тот урок, – увидишь ты, – она
Исправится и славной бабой станет.
Участвовать мы будем в танце? Четвертый крестьянин Будем!
Что помешает нам? Третий крестьянин Придет Аркас. Второй крестьянин Придут
Рикас и Сенноис, – танцоры,
Каких не может лучше быть для пляски!
А что за девки будут там, – ого!
Не знаете ль, придет ли наш учитель?
Он обещал прийти. На все ведь руки
У нас он мастер: все мы это знаем. Третий крестьянин Скорее съест он свой
букварь, чем нас
Обманет: он будет там наверняка.
Уж завязалось дело между ним
И дочерью кожевника так прочно,
что не развяжешь. И она придет;
Она желает герцога увидеть
и вместе с нами будет танцевать. Четвертый крестьянин Достаточно ли будем
мы проворны? Второй крестьянин Пусть дуют все афинские мальчишки
Нам в зад, как ветер! Буду здесь и там,
И снова здесь, и снова там – знай наших!
Да здравствуют ткачи! Первый крестьянин В лесу удобно
Устроить это. Четвертый крестьянин Вот еще! Второй крестьянин Не спорь:
Так наш учитель сказывал; сумеет

Он герцога весьма красноречиво
Уговорить для нашей общей пользы.
В лесу ему привычно; на равнине
Его наука будет ни к чему. Третий крестьянин Посмотрим игры, а потом – за
дело!
Сперва одни проделаем все это,
Покуда дамы не видали нас,
А там – старайся, кто как лучше может...
Кто знает, что за это нам дадут! Четвертый крестьянин Отлично! Пусть они
кончают игры,
А там – свое исполним мы. Вперед! Аркит Позвольте вас спросить, друзья:
куда вы
Идете? Четвертый крестьянин Как куда? Что за вопрос? Аркит Когда б я знал,
то спрашивать не стал бы. Третий крестьянин На игры, друг! Второй
крестьянин Да где же ты родился,
Что этого не знаешь? Аркит Недалеко.
Сегодня игры здесь? Первый крестьянин Такие игры,
Каких ты в жизнь не видывал: сам герцог
Присутствовать на них намерен лично! Аркит Какие ж будут состязания там?
Второй крестьянин Бег и борьба.
(В сторону.)
А право, он красавчик.
Не хочешь ли пойти ты с нами? Аркит Нет. Четвертый крестьянин Ну, нет, так
нет; ступай своей дорогой.
Товарищи, идем! Первый крестьянин Подозреваю,
Что это парень дошлый: посмотрите,
Как он сложен. Второй крестьянин Пускай меня повесят
когда решится он бороться! Он?
Чтоб он боролся? Этакая каша!
яичница! Не медлите ж, идем! Крестьяне уходят. Аркит является такой удобный
случай,
Какого я не смел и ожидать.
Мне приходилось много раз бороться,
И говорили знатоки, что я
Борюсь прекрасно; точно так же в беге
я отличался: ветер, вдоль по ниве
Несущийся, колосья нагибая,
Не мог лететь быстрее, чем я летел.
Итак решаюсь: в бедную одежду
Оденусь я, чтоб узанным не быть;
Как знать: быть может, мне венок украсит
чело; быть может, счастье приведет
К тому, что буду жить я близко к милой!
(Уходит.) Сцена 4 Афины. Комната в тюрьме. Входит дочь тюремщика. Дочь
тюремщика Как мне любить такого человека?
Мы так различны: родом я ничтожна,
Простой тюремщик мой отец, а он
Он знатный принц! Чтоб он на мне женился,
О том, конечно, нечего мечтать,
А быть его любовницей – безумно.
Прочь эти мысли! Что за испытания
Готовятся нам, девушкам несчастным,
Как только минет нам пятнадцать лет!
Его увидев в первый раз, нашла я
Его красивым, – в нем так много есть,
Что женщинам понравиться могло бы,
когда б желал он нравиться; потом
Жалеть его я стала, и, понятно,
какая же из девушек, мечтавших
когда-либо о женихе красивом,
Чтоб девственность свою ему вручить,
Его не пожалела бы! А после
Его я полюбила, – полюбила
Безумно, беспредельно! У него
ведь есть кузен, – как он, красавец тоже,
Но в сердце у меня царит один
лишь Паламон, – царит там безраздельно!
Как слушать я люблю по вечерам,
как он поет, хоть песни эти грустны!
А как он говорит! Нет дворянина,
Который бы изящней говорил!

Когда я утром прихожу, чтоб воду
Подать ему, – свой благородный стан
Сгибает он и так меня учтивой
Приветствует он речью: "С добрым утром,
Прекрасная девица! Пусть тебе
За доброту твою дарует небо
Хорошего супруга!" Он однажды
Меня поцеловал – и десять дней
С тех пор свои я обожала губы;
О, если б так он делал каждый день!
Но вечно он грустит и этой грустью
Мое терзает сердце. Чем могла бы
Я доказать, что я его люблю?
Как я его обрадовать хотела б!
Попробовать его освободить?
Что скажет правосудье? Иль я слишком
Забочусь о законе, о родных?
Так, решено: ему я дам свободу
И в эту ночь иль завтра, может быть,
Добьюсь того, что он меня полюбит!
(Уходит.) Сцена 5 Площадь в Афинах. Короткие звуки рожков и крики народа
за сценой. Входят Тезей, Ипполита,
Пиритой, Эмилия и Аркит в крестьянской одежде, в венке, за ними народ.
Тезей Ты действовал прекрасно; я не видел
С тех пор, как с нами Геркулеса нет,
Таких могучих мускулов; ты в беге
Был первым, и в борьбе ты отличился,
Насколько лишь возможно в наше время. Аркит Я очень горд, что угодить
сумел. Тезей В какой стране родился ты? Аркит В Элладе,
Но очень далеко от этих мест. Тезей Ты дворянин? Аркит Так говорил отец
мой:
Он дал мне жизнь для благородных дел. Тезей И ты его наследник? Аркит Нет,
я младший
Из сыновей. Тезей Счастливец твой отец.
Что ж ты умеешь делать? Аркит Понемногу
Из всех занятий благородных: мог бы
Я сокола держать; люблю в охоте
Скликать я громким зовом верных псов;
Хоть не могу похвастаться я слишком
Своим искусством в верховой езде,
Но те, кто знал меня, всегда твердили,
Что в этом деле я всего искусней.
Но более всего хотел бы я
Быть воином. Тезей Ты, право, совершенство! Пиритой Клянусь душой, он
бравый молодец! Эмилия Да, это так. Пиритой Что скажет герцогиня? Ипполита
Я восхищаюсь им: мне не случилось
Такого благородства видеть в людях
Столь молодых и в этом звании, – если
Он звания настоящего не скрыл. Эмилия Должно быть, мать его была красива
И от нее он получил в наследство
Лицо свое. Ипполита А смелый, гордый нрав
И мощное его телосложение
В нем отличают бравого отца. Пиритой Заметьте, как из-под одежды скромной,
Как будто солнце из-за серых туч,
Сквозит в нем доблесть! Ипполита Да, он бравый малый. Тезей Скажи, чего ж
ты для себя желаешь? Аркит Тезей светлейший, я хочу себе
Составить имя на достойной службе
Тебе, героев образец прекрасный,
Затем, что здесь лишь, при твоём дворе,
Трон и жилище светлоокой чести. Пиритой Прекрасны все его слова! Тезей Твой
подвиг
Приятен нам, и мы твое желание
Исполним. Пиритой, располагай
Прекрасным этим юным дворянином. Пиритой Благодарю, Тезей.
(Аркиту.)
кто б ни был ты,
Теперь ты мой, и я тебя приставлю
К прекраснейшей из служб: вот к этой юной
Принцессе, деве чудной красоты.
Храни ее! Ты подвигом высоким
Почтил прекрасный день ее рожденья,

Так будь слугой ей. Поцелуй ей руку! Аркит Ты столь же щедр, как благороден принц!

(Эмилии.)

Красавица божественная! Клятву
Позвольте вам принести от сердца!
(Целует ей руку.)

Если

Слуга ваш, - это жалкое создание
В сравнении с вами, вас когда-нибудь
Обидит или огорчит, велите,
Чтоб умер он, - и тут же он умрет! Эмилия Нет, это слишком было бы жестоко,

Когда ты будешь верно мне служить,
Вознаградить тебя я не замедлю;
С тобой я буду обращаться лучше,
Чем мог бы ты по званию ожидать. Пиритой Тебя снабдим мы всем необходимым;
И так как ты сказал, что ты наездник,
То к вечеру на скачку приходи,
Хотя, предупреждаю, эта скачка
Сурова будет. Аркит Тем она приятней:
Я не озябну на своем седле. Тезей
(Ипполите) Прошу я, дорогая, приготовься;

Эмилия, и ты,

(Пиритю.)

И ты, мой друг,

И все вы: завтра мы с восходом солнца

Отправиться предполагаем в рошу

Дианину - встречать веселый май.

Ты, новый паж, ступай за госпожою.

Надеюсь, что пойдет он не пешком? Эмилия Мне было б это стыдно: я имею
Коней довольно.

(Аркиту.)

Выбери коня

И вообще проси всего, в чем будешь

Нуждаться: если верен будешь мне,

Всегда я буду доброй госпожою. Аркит А если дурно буду я служить,

То пусть меня постигнут все несчастья,

Которые отец мой ненавидел,

Немилость и удары. Тезей Ты вступаешь

На путь, который сам ты заслужил.

Всегда получишь ты вознаграждение

Достойное за подвиги свои;

Не дать его - несправедливо было б.

Клянусь, сестра, слуга тебе достался,

Который, если б женщиной я был,

Пожалуй, превратился б в господина.

Но ты умна. Эмилия На этот раз, надеюсь,

Я буду даже чересчур умна. Трубы. Уходят. Сцена б Улица перед тюрьмой.

Входит дочь тюремщика. Дочь тюремщика Пусть бесятся все герцоги, все черти,

Он на свободе: выпущен он мною!

Его я в рошу отвела, за милю

Отсюда, где растет высокий кедр,

Вокруг свои распростирая ветви,

У самого ручья; скрываясь там,

Он будет ждать, пока пилу и пищу

Я принесу: железные браслеты

Еще с него не сняты. О Амур,

Бесстрашное дитя, как ты отважен!

Отец мой сам скорей надел бы цепи,

Чем сделал бы, что совершила я!

Его люблю я без ума, без меры,

Без робких дум, без страха за себя,

И к прочему всему я равнодушна.

О, пусть я рук закона не избегну,

Пускай меня осудят и казнят,

Но все-таки, - уверена я в этом,

Всегда найдутся женские сердца,

Сердца невинных, чистых дев, которым

Внушу я жалость; песнью погребальной

Они меня почтят; они расскажут,

что благородна смерть моя была,
Что я, почти как мученица, в жертву
жизнь отдала за страстную любовь.
Какую изберет себе дорогу
Возлюбленный, по той и я пойду:
Не может быть, чтоб он меня покинул!
А если бросит он меня, мужчинам
Не будут верить девушки совсем!
Однако, он, приняв мою услугу,
За то мне даже не сказал "спасибо";
Меня он даже не поцеловал.
Да, это знак дурной; притом же, трудно
Мне было убедить его бежать:
Он все боялся причинить несчастье
Мне и отцу. Но все же я надеюсь,
Что, убедясь вполне в любви моей,
Он, наконец, и сам меня полюбит.
Пускай со мной он делает, что хочет,
Но должен он со мною ласков быть;
Он будет ласков, иль ему скажу я,
Скажу в лицо, что не мужчина он!
Итак, спешу я; всем необходимым
Снабжу его, возьму свои все платья,
А там, - куда б судьба не занесла,
Я буду с ним, его сопровождая
Везде, как тень. И пусть здесь через час
Пойдут по всей тюрьме и шум, и крики:
Я в это время буду целовать
Того, кого искать напрасно будут!
Прощай, отец! Имей побольше только
Ты узников таких и дочерей
И сам себя в тюрьму посадишь скоро!
Итак, бегу! Скорей, скорей к нему!
(Уходит.) АКТ III Сцена 1 лес близ Афин. С разных сторон раздаются звуки
рогов. За сценой шум и перекликающиеся
голоса народа, встречающего майский праздник. Входит Аркит. Аркит Расстался
герцог с Ипполитой; каждый
Отправился один; таков обычай,
Которым здесь встречают светлый май;
Его в Афинах свято соблюдают.
Эмилия, красавица принцесса!
Милее ты, чем майская краса,
Прекраснее весенних нежных почек,
Роскошней, чем цветочный весь ковер
Полей, лугов, садов! Мы величаем
По именам прекрасных нимф лесных.
Ручьи в их чудных берегах цветистых,
А ты, краса лесов, краса вселенной,
Одним лишь посещением своим
Всю эту местность обоготворила!
О, как бы я блажен был, недостойный,
Когда бы в размышлениях своих
Хоть изредка меня ты вспоминала,
Хоть равнодушной мыслию меня
Касалась бы! Благословен мой жребий,
Меня приведший стать ее слугой,
О чем не смел я и мечтать! Скажи мне,
Судьба, моя владычица вторая
Вслед за моей Эмилией: насколько
Могу мечты я гордые питать?
Ко мне всегда внимательна принцесса,
К себе меня приблизила она;
Сегодня, в это радостное утро,
В день лучший года, - подарила мне
Она коней прекраснейшую пару:
Таких коней, что сесть на них могли б
Два короля, когда б на поле чести
Корону им отстаивать пришлось!
А Паламон? Увы, кузен мой бедный,
Несчастный узник! Ты так мало гредишь
О счастье, мне доставшемся на долю,

Что ты себя счастливее считаешь,
Чем я, мечтая, что ты ближе к ней!
Ты думаешь, что я блуждаю в фивах,
А потому несчастен, хоть свободен;
О, если бы ты только знал, что я
Еще недавно пил ее дыхание,
Внимал ее речам, смотрел ей в очи,
Как страшно разгорелся бы твой гнев! Из-за куста выходит Паламон в цепях и
грозит Аркиту кулаком. Паламон А, родственник изменник! Ты узнал бы,
Каков мой гнев, когда б от этих уз
Свободен был я и мечом владел бы!
Клянусь я всеми клятвами и правдой
Любви моей, – заклятый ты злодей!
Ты вероломнейший из всех на свете,
Имевших внешность доблестную; худший,
Бесчестнейший из всех рожденных честно!
Ты лживейший из родственников кровных!
Итак, свою ты ее зовешь?
Так знай, злодей, что/даже не снимая
Оков своих, вот этими руками,
Без всякого оружия, докажу я,
Что ты солгал, что ты лишь вор любви,
Презренное ничтожество, что даже
Названия негодяя ты не стоишь!
Когда б не эти путы, если б меч
В руках имел я... Аркит Дорогой кузен мой... Паламон Кузен, на козни
быстрый, речь держи
Такую же, как все твои поступки! Аркит не нахожу я в сердце у себя
Той грубости, какую полн твой окрик,
А потому тебе отвечу так,
Как мне велит ответить благородство.
Твой гнев тебя ввергает в заблуждение:
Он враг тебе, и мне не может он
Быть другом. Честь и честность сохраняю
Я всюду и во всем намерен ими,
Кузен, руководиться я и впредь.
А потому прошу тебя спокойно
Сказать мне, в чем твоя печаль, и знай:
Я говорю с тобой, как равный с равным,
Как благородный человек, который
Всегда себя сумеет защищать
Мечом и веским словом. Паламон Полно, так ли?
На это ты способен ли, Аркит? Аркит Кузен, кузен! Не раз имел ты случай
Узнать, довольно ль смелости во мне;
Ты видел сам, как отражать угрозы
Умею я мечом! Никто другой
Во мне не усомнится; ты ж не мог бы
Смолчать, хотя бы даже в храме был. Паламон Все это так; тебя я в битвах
видел,
Где мужество свое ты доказал;
Тебя зовут все рыцарем отважным;
Но если раз в неделю дождь идет,
Нельзя уже сказать, что всю неделю
Хорошая погода простоит.
Раз изменив, теряют люди храбрость
И бьются слабо, как ручной медведь,
Который рад бы обратиться в бегство,
Когда его бы не держала цепь. Аркит Кузен, ты можешь говорить все это
Пред зеркалом себе же самому;
Не мне бы это слышать, мне, который
Тебя за это презирает. Паламон Стой:
Сперваними с меня вот эти путы,
Дай в руки мне хотя бы ржавый меч
И дай мне есть, чтоб утолил я голод;
Затем с мечом на битву выходи
И смей назвать Эмилию своею:
Тогда клянусь обиду всю забыть,
Которую ты мне нанес, и если
Тебе удастся жизнь мою отнять,
Тогда в загробном мире душам храбрых,
В бою умерших мужественной смертью,

Которые спросили бы меня,
Что на земле творится, - расскажу я
Одно: что благороден ты и храбр. Аркит Спокоен будь; опять в кустах укройся

И жди меня: наутро я приду
С запасом пищи, распилю оковы
И свежие тебе одежды дам;
Я принесу тебе благоухания,
Чтоб заглушить темницы запах; после,
Когда вполне оправившись, скажи:
"Аркит, готов я" - и тебе на выбор
Я предложу тогда и меч и латы. Паламон О небеса! Кто, если не Аркит,
Имея на душе дурное дело,
Так благороден может быть! Кто может
При этом быть столь смелым, как Аркит? Аркит Друг Паламон... Паламон Готов
тебя обнять я
За это предложение! Но заметь:
За это лишь тебя я обнимаю,
Без этого тебя я не коснулся б
Иначе, как мечом. Слышен звук рожков. Аркит Чу! Слышишь ты?
В убежище свое скорее скройся,
Чтоб состоялся поединок наш
И не был прерван раньше, чем начнется.
Прощай же! Дай мне руку: будь спокоен;
Все нужное тебе я принесу,
Чтоб был ты крепок. Паламон Так сдержи же слово,
Приди сюда и беспощадно бейся.
Наверное не любишь ты меня,
Так будь же груб со мною, не старайся
Слова свои подмаслить. Я готов
За каждое из слов тебя ударить:
Желудок мой речами не уймешь. Аркит По крайней мере это откровенно!
Так извини ж за грубые слова:
Когда коня я шпору, - не ругаюсь;
Доволен ли, сердит ли я, лицо
Мое одно и то же. Звук рожков. Слышишь зов?
К обеду всех сзывают; ты, конечно,
Поймешь, что я обязан поспешить. Паламон Едва ль твое присутствие при этом
Богам угодно: ты путем неправым
Ту приобрел обязанность. Аркит Я знаю,
Что я имею право на нее.
Вопрос об этом разрешится кровью.
За эти речи взыскивать я буду,
И должен будешь ты ответ держать.
О том ни слова более. Паламон Одно лишь
Позволь сказать: сейчас ты видеть будешь
Владычицу мою, - она моя,
А не твоя... Аркит О, нет! Паламон Нет, нет! Ты хочешь
Мне пищу дать, чтоб подкрепить меня,
А сам идешь теперь смотреть на солнце,
Которого блестящие лучи
Еще гораздо больше укрепляют,
И в этом ты имеешь предо мной
Большое преимущество. Что делать:
Воспользуйся, пока не соберу
Я сил своих для мести. До свиданья.
(Уходят в разные стороны.) Сцена 2 Другая часть того же леса. Входит дочь
тюремщика. Дочь тюремщика Оставил он кусты, где я ему
Велела ждать, - ушел куда-то. Утро
Уж близко, но мне это все равно:
Пускай бы вечно длилась ночь, покрыла б
Весь мир своею тьмой! Чу - это волк!
Я не боюсь; меня тревожить может
Одна лишь мысль: мысль эта - Паламон.
Пускай меня бы волки растерзали,
Лишь передать бы мне ему пилу!
Не крикнуть ли? Нет, крикнуть я не смею:
Он может не откликнуться, и только
Своим я криком привлеку волков
И окажу ему услугу злую.
В ночь эту бесконечную не раз

Я слышала ужасный вой: быть может,
Давно уж волки овладели им?
Он безоружен, он бежать не в силах;
Быть может, звон цепей его привлек
Зверей свирепых: эти звери чувят,
Кто беззащитен, кто не может им
Сопrotивляться. Верно, так и было!
Я слышала, как несколько волков
Завыли громко: в это время, верно,
Он ими был разорван на клочки!
Не позвонить ли в колокол, тревогу
Забить? Но что же станется со мной?
Все кончено: уж он ушел. Нет, лгу я:
За тот побег несчастный мой отец
Повешен будет; для себя спасения
Искать ли? Жизнь я столько не ценю,
Чтоб от поступка своего отречься:
Нет, лучше я двенадцать раз умру!
Я вся разбита; целых двое суток
Не ела я, лишь несколько глотков
Воды я пригубила; глаз ни разу
Я не смыкала, – разве лишь тогда,
Когда потоки слез я утирала.
Увы, увы! Разрушься, жизнь моя,
Чтоб не сойти с ума мне! Утопиться ль,
Повеситься? Вонзить ли в грудь кинжал?
Пусть рухнет жизнь: опоры расшатались.
Куда идти? Одна дорога: в гроб;
Все прочие пути – лишь заблуждение.
Луна зашла, кузнечики трещат,
Сова кричит перед восходом солнца;
Свершилось все, – лишь не достигла я
Того, чего желала всей душою.
Все кончено: погибла я навек!
(Уходит.) Сцена 3 Та же часть леса, что и в сцене 1.
Входит Аркит, неся пилу, провизию, вино и прочее. Аркит Должно быть, это
здесь. Гей, Паламон! Входит Паламон. Паламон Аркит? Аркит Он самый. Вот,
принес я пищу,
А также и пилу. Иди сюда,
Не бойся, здесь Тезея нет. Паламон А также
Здесь нет по чести равного ему. Аркит Не в этом дело; мы об этом после
Поговорим. Иди ж и подкрепись;
Нельзя, чтоб ты, как зверь, голодный умер.
Вот здесь вино; пей, ты, я вижу, слаб.
Потом с тобой беседовать мы будем. Паламон Аркит, меня ты можешь отравить.
Аркит Я мог бы это сделать; только нужно
Сперва, чтоб я тебя боялся. Сядь,
Не будем время тратить по пустому;
Друг друга зная, каковы мы были,
Оставим речи вздорные теперь
Глупцам и трусам. За твое здоровье!
(Пьет.) Паламон Отлично. Аркит Сядь же; и прошу тебя
И заклинаю всей твоею честью
Пока ни слова здесь не говорить
Об этой женщине: еще успеем
Наговориться мы о ней. Паламон Согласен.
Пью за твое здоровье.
(Пьет.) Аркит Пей еще:
Тебе вино согреет кровь. Не правда ль,
Себя ты лучше чувствуешь? Паламон Постой,
Тебе об этом расскажу я после
Глотка другого. Аркит Больше, больше пей:
У герцога, кузен, вина довольно.
Поешь теперь. Паламон Охотно.
(Ест.) Аркит Рад я видеть,
Что аппетит твой так хорош. Паламон А я
Доволен, что обедаю так славно. Аркит Неправда ль, беспокойно жить в лесу?
Паламон Да, для того, в ком совесть неспокойна. Аркит Вкусна ли пища? Голод
твой, я вижу,
В приправах не нуждается. Паламон Пожалуй;
Но если б в них нуждался он, была б

Твоя, кузен, приправа – слишком кислой.
Что это здесь? Аркит Дичина. Паламон Это вкусно.
Дай мне, Аркит, еще вина, и выпьем
За женщин тех, каких мы знали прежде.
Дочь столъника ты помнишь? Аркит Да, теперь,
Когда о ней напомнил ты. Паламон Любила
Она когда-то одного брюнета. Аркит Любила; что же из того? Паламон Его
Аркитом звали, кажется? Аркит Довольно
Об этом, право. Паламон Завлекла она
Его в беседку; что же в той беседке
С ним делала она? Не проиграла ль
Девичества? Аркит Что делала она
О том, кузен, мы говорить не будем. Паламон Она страдала месяц или два,
Иль три, иль десять... Аркит С маршала сестрою
Случилось тоже что-то, говорят,
По крайней мере много было слухов.
Мы выпьем за ее здоровье? Паламон Выпьем. Аркит Она была красавица
брюнетка.
Охоты помню я веселый шум,
Толпу веселой, бодрой молодежи,
Зеленый лес, тенистый старый бук,
Под этим буком разыгралась сказка. Паламон Ну, выпьем за Эмилию теперь!
Довольно нам притворного веселья.
Ты слышишь: за Эмилию! Осмелюсь,
Кузен бесчестный, выпить за нее! Аркит Ты через край хватил. Паламон Землей
и небом
Клянусь: в тебе ни капли чести нет! Аркит Я ухожу: ты стал теперь животным.
Паламон Благодаря, изменник, лишь тебе! Аркит Вот здесь найти ты можешь
все, что нужно:
Пилу, белье, духи. Я возвращусь
Чрез два часа и принесу те вещи,
которые одни нам могут дать
Покой и мир. Паламон Конечно, меч и латы? Аркит Не бойся: все тебе
доставлю, все.
Теперь ты слишком гадок. До свиданья,
Сними свои брелоки. Паламон Эй, слуга! Аркит
(уходя) Я более не слушаю. Паламон За это,
Сдержи он только слово, – он умрет.
(Уходит.) Сцена 4 Другая часть леса. Входит дочь тюремщика. Дочь тюремщика
Мне холодно! Уж все погасли звезды;
Потухли эти маленькие блестки.
При свете солнца я сошла с ума.
Эй, Паламон! Напрасно: он на небе!
Но где же я? Вон там бушует море;
На нем корабль; о, как его качает!
А вон на дне подводный камень ждет.
Вот, вот сейчас он на него наткнется!
Вот, вот наткнулся! Течь уже явилась;
О, как они кричат! Скорей по ветру
Вперед плывите, иль погибли вы!
Вперед, вперед, а после поверните.
умчались! доброй ночи, доброй ночи!
я очень голодна. Хотела б я
Найти лягушку: мне бы рассказала
Она про все, что нового есть в мире.
Еще хотела б раковину я
Иметь и сделать из нее кораблик;
Как северный иль северо-восточный
Подует ветер, – к королю пигмеев
я быстро понеслась бы: он отлично
умеет всем предсказывать судьбу,
Бьюсь об заклад, что завтра рано утром
Повешен будет мигом мой отец;
но я не буду говорить ни слова.
(Поет.)
Я юбочку зеленую поверх колен как раз
На целый фут обрежу: так должна я!
Я срежу кудри желтые на дюйм пониже глаз,
Я дурочка, я дурочка простая!
он белый мне костюм сошьет, чтоб ездить мне
верхом,

И целый мир обрыщу я, блуждая.
Повсюду буду я искать свиданья с женихом,
Я дурочка, я дурочка простая! Теперь хотела б я, как соловей,
На шип своею грудью наколоться:
Без этого засну я мертвым сном.
(Уходит.) Сцена 5 Другая часть леса. Входит Джеррольд, четыре
крестьянина-танцора, крестьянин, исполняющий роль
Павиана, пять девушек, крестьянин с тамбурином. Джеррольд Фуй, фуй!
Какая тупость, что за бестолковость!
Ужель моей науки элементы,
Подобно млеку, не всосались в вас?
А, кажется, я долго с вами бился
И даже, выражаясь фигурально,
Навар из слив науки, мозг ученья
Вам всячески старался преподать.
А вы еще и до сих пор кричите:
"Где?" "Как?" "Куда?" "Зачем?" и "Почему?"
Ах вы, тупицы! Ах вы, остолопы!
Ведь сказано: вот это – так, а это
Вот так, а это – так и так! Напрасно!
Никак меня никто понять не мог!
Pro Deum, medius fidius! {клянусь Богом! (лат.).}
Ну, словом, все вы олухи, и только!
Смотрите же: я буду здесь стоять,
А здесь вот – герцог. Я его встречаю
И говорю ученейшие вещи
С различными фигурами. Он внемлет,
Кивает одобрительно, потом
Он восклицает "браво"! Ободренный,
Сейчас же я бросаю шапку вверх,
И в этот миг, – заметьте хорошенько!
Вы выскочить пред герцогом должны,
Как калидонский вепрь пред Мелеагром,
И, нежно, как влюбленные, обнявшись,
Прилично и как можно грациозней
Старайтесь танец свой протанцевать. Первый крестьянин На диво спляшем,
господин учитель. Второй крестьянин Проверим, вся ль компания явилась.
Где тамбурин? Третий крестьянин Эй, Тимофей! Крестьянин с тамбурином Я
здесь!
Вот, налицо! Джеррольд А женщины-то все ли? Четвертый крестьянин Вот
Фредерика, вот и Магдалина! Второй крестьянин Вот Люция, малютка-белоножка!

И толстая Варвара налицо! Первый крестьянин Вот Нелли весноватая: на эту
Всегда учитель может положиться. Джеррольд Где ваши ленты, девушки?
Смотрите ж,
Чтоб плавно, грациозно танцевать,
Все делать с толком, не жалеть улыбок,
Ни резвых жестов! Нелли Будьте уж спокойны! Джеррольд А где же остальные
музыканты? Третий крестьянин Рассеялись, как сказано, в лесу. Джеррольд Так
надобно собрать их и проверить,
Все ль налицо. А где же Павиан?
Мой друг, прошу носить свой хвост прилично,
Чтоб дамы не обиделись; надеюсь,
Что прыгать ловко будешь ты и смело.
Когда же будет надобно залаять,
То делай это с толком. Павиан Точно так. Джеррольд Quo usque tandem {Доколе
наконец? (лат.).}? Здесь одной из женщин,
Я вижу, не хватает. Четвертый крестьянин Ну, теперь
ищи – свищи! Все, что пригодно к делу,
У нас уж в дело пущено! Джеррольд Итак,
Толкли мы воду, – говоря словами
Ученых авторов. Погибло все;
я fatuus {Тупоумный, глупый (лат.).}, и все труды напрасны. Второй
крестьянин Тварь подлая, презренная трусиха!
Ведь как она божилась, что придет!
Цецилия, – дочь нашего портного.
За это, право, я ей подарю
Собачью шкуру. Ты, Аркас, ведь, слышал
Она клялась и хлебом и вином,
Что не надует. Джеррольд Женщина и угорь,
Как говорит ученейший поэт,

Такие вещи, что держать их надо

За хвост зубами, чтобы не ушли:

Здесь можно было ожидать обмана. Первый крестьянин Ах, чтоб ее! Ни дна ей, ни покрывки! Третий крестьянин Что ж делать нам, учитель? Джеррольд Ничего:

Весь труд наш превратился в нуль ничтожный,

Прегорестный и препечальный нуль. Четвертый крестьянин Как, в этот день, когда ребром поставлен

Вопрос о чести нашего села,

Отлынивать, слоняться, бить баклуши!

Ну, погоди ж! Расправлюсь я с тобой! Входит дочь тюремщика. Дочь тюремщика

(поет) Голла! Георг приехал с юга,

От варварийских берегов,

И не один, - с ним два - три друга

Военных, храбрых молодцов. Привет красавцам, честь и слава!

Куда ж теперь лежит ваш путь?

Меня с собой возьмите, право,

На Зунд хотела б я взглянуть. Вокруг совы три дурня

Вступили в жаркий спор;

Один сказал: вот филин;

Другой сказал: вот вздор!

А третий молвил: сокол

Пред вами, господа;

Бубенчиков хоть нету,

Их срезать нет труда! Третий крестьянин Вот мысль! Смотрите, господин учитель!

Здесь девка сумасшедшая: она

Совсем взбесилась, точно заяц в марте.

Когда б ее на танцы залучить,

У нас бы снова дело было в шляпе:

Она такие сделает прыжки,

Что все отдай, да мало! Первый крестьянин Превосходно!

давайте сумасшедшую сюда!

Чего же лучше! Дело в шляпе, парни! Джеррольд Как, девушка? Лишилась ты

ума? Дочь тюремщика Без этого мне слишком было б грустно.

Дай руку мне. Джеррольд Зачем? Дочь тюремщика Твою судьбу

Я предскажу. Ты - дурень. Сосчитай-ка

До десяти. Ну, что? Небось смутился?

Приятель, хлеба белого не ешь:

Кровь из зубов пойдет. Плясать мы будем?

Тебя я знаю: ты ведь медник, да?

Запаивай не больше дыр, чем нужно. Джеррольд *Di i boni!* {Благие боги!

(лат.)}

Вот как, я медник? Дочь тюремщика Или заклинатель.

Не вызовешь ли черта для меня?

Пусть на костях и бубенцах сыграет

Qui passa {кто идет? (итал.)}. Джеррольд Ну, возьмите же ее

И усмирить немного постарайтесь,

А после покажите ей, что нужно.

Et opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignis ...

{И создал я творение, которое ни гнев Юпитера, ни огонь... (лат.)} Второй

крестьянин Пойдем со мной, девчонка, да живей! Дочь тюремщика Вперед идти

хочу я. Третий крестьянин Ладно, ладно! За сценой слышен звук рогов.

Джеррольд Сумейте убедить, перехитрить!

Ну, прочь пошли! Трубят уже, я слышу,

Так дайте же немножко мне подумать.

Да роли не забудьте! Все, кроме учителя, уходят. Вдохнови

Меня, Паллада! Входят Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилия, Аркит и свита.

Тезей Вот сюда направил

Олень свой бег. Джеррольд Прошу: остановись

И выслушай. Тезей Что это? Пиритой Сельский праздник

Какой-нибудь, должно быть. Тезей Хорошо,

Послушаем. Прошу садиться, дамы:

Придется нам остановиться здесь. Джеррольд Привет тебе, могущественный

герцог!

Прекраснейшие дамы, - вам привет! Тезей Достаточно холодное начало.

Джеррольд Благоволите праздник наш принять!

Принадлежим мы к тем, чья речь простая

Изобличает грубых поселян;

Сказать по правде, - здесь пред вами стая,

Компания, иль сборище крестьян,

Иль, так сказать, веселый хор крестьянский,
Который хочет танец мавританский
Пред господами здесь протанцевать.
Я между ними, должен вам сказать,
Присутствую во званьи педагога;
Я розгою караю младших строго,
А старшим я линейкою грожу
И плод своих трудов вам покажу.
О грозный вождь, чья слава воссияла
Во всех краях, от Диса до Дедала,
Вдоль всех дорог, - от тумбы до столба,
Ты поддержи покорного раба!
Молю, воззри пресветлыми очами
На то, как здесь пред всеми господами
Искусно "хора" совершу я "вод",
Соедини - и выйдет "хоровод".
Мы для того здесь пред тобой собрались
И разучить свой танец постарались.
Я первым здесь, хоть груб и неуклюж,
Перед тобой являюсь, славный муж,
К твоим ногам кладу свои я речи
И исполняю этим роль предтечи;
За мной "Князь мая" следует с женой,
С "Лакеем" и "Служанкой"; в час ночной
Они приюта ищут; их с услугой
"Хозяин" встретит с толстою супругой;
Приняв гостей, которых долгий путь
Порядочно измучил, - подмигнуть
Спешат они буфетчику, в заботе
Побольше сумму написать на счете;
За ними "клоун" плотоядный, "шут"
И "Павиан" с большим хвостом придут;
Весь хор, cum multis aliis {весь вместе (лат.)}, сберется,
Скажи лишь "да" - и танец вмиг начнется. Тезей Да, да, любезный domine
{Хозяин (лат.)}, зови
Скорей своих актеров. Пиритой начинайте. Джеррольд Intrate, filii!
{Войдите, сыновья! (лат.)}.
Войдите же, исполните ваш танец. Входят ученики школы. Павиан, пять
девушек, крестьянин с тамбурином,
дочь тюремщика и прочие.
Они танцуют мавританский танец. Хор Мы ликуем и поем,
Вьемся в танце круговом;
Если танцем этим самым
Угодим мы знатным дамам,
Пусть признает каждый тут,
Что учитель наш - не шут!
Герцог, если в лад мы пели
И понравиться сумели,
Нам бревно для мачты дай,
Чтоб игрою встретить май.
Не пройдет тогда и года,
Как опять толпа народа
Насмешит, составив хор,
И тебя, и весь твой двор! Тезей Возьми хоть двадцать, domine. Что скажет
Мой друг, царица сердца моего? Ипполита Ни разу в жизни так не веселилась.
Эмилия Их танец был исполнен превосходно;
А что до предисловья, - никогда
Я не слыхала лучшего. Тезей Учитель,
Благодарю тебя. Велю я всем
Награды выдать. Пиритой
(давая деньги) Это вот возьмите,
чтоб вашу мачту выкрасить. Тезей Теперь
Мы будем нашу продолжать охоту. Джеррольд Пускай олень даст лов обильный,
Собаки будут быстры, сильны,
Его изловят без преград,
И дамы окорок съедят. Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилия, Аркит и свита
уходят
под звуки рогов за сценой. Джеррольд Ну, парни все отлично удалось.
Dii deaeque omnes! {Все боги и богини! (лат.)}.
Вы, девушки, чудесно танцевали! Уходят. Сцена 6 Та же часть леса, что и в
сцене 3. Паламон выходит из-за кустов. Паламон Кузен мой обещал мне в этот

час

Прийти сюда и принести с собою
 Два добрые меча и пару лат,
 И, если он теперь не сдержит слова,
 Тогда не воин, не мужчина он!
 Когда недавно он меня оставил
 В лесу, - я думал, что недели мало,
 Чтоб силы все мои восстановить:
 Так низко пал я, так я был расслаблен.
 Благодарю тебя, кузен Аркит:
 Ты честный враг! Теперь я подкрепился
 И вновь гляжу опасности в глаза.
 Откладывать не должно нашу битву:
 Подумали бы люди, услышав
 Об этом, что я нежусь, точно боров
 На сытном корме; пусть же это утро
 Последним будет! Если же Аркит
 Откажется мне меч дать, - меч я вырву
 Из рук его и вмиг его убью;
 Конечно, это будет справедливо.
 Фортуна и любовь мне да помогут! Входит Аркит, неся вооружение. Паламон А,
 с добрым утром! Аркит С добрым утром, друг. Паламон Тебе хлопот наделал я
 немало. Аркит Пустое! Эти хлопоты - мой долг,
 Святое дело чести. Паламон Если б так же
 Ты поступал во всем! Хотел бы я,
 Чтоб был ты мне настолько ж добрым братом,
 Насколько вынуждаешь ты меня
 Признать тебя врагом великодушным.
 Хотел бы я тебя благодарить
 Объятьями, а не ударов градом. Аркит То и другое я бы возвратил. Паламон А
 я с тобою щедро расквитался б. Аркит Словами благородства вызывай
 меня на бой; тогда ценить я буду
 Слова твои еще превыше слов
 Возлюбленной. Зачем нам препираться,
 когда мы оба любим то, что честно?
 И не для слов пустых мы рождены;
 Вооружась и став на страже чести,
 Пусть изольем мы свой взаимный гнев,
 Как бурных два ручья, стремглав навстречу
 Несущихся друг другу, - и тогда
 Без всяких свар, попреков, поношений,
 Приличных разве девушкам простым
 Иль школьникам, никак не нам, - решится
 Легко и скоро наш тяжелый спор:
 Кому владеть красавицею нашей,
 Тебе иль мне? Желает ли сейчас
 Вооружиться? Если же доньше
 Себя еще считаешь ты больным,
 Не возвратив своей всей прежней силы,
 Тогда, кузен, готов я подождать
 И каждый день, когда свободен буду,
 Приду сюда беседовать с тобой,
 Пока ты не поправишься. За друга
 Считаю я тебя; ты дорог мне!
 Пусть лучше бы тебе я не открылся,
 что я влюблен, пусть лучше бы я умер;
 Но, полюбив красавицу такую
 И высказав тебе свою любовь,
 я не могу от слов своих отречься. Паламон Аркит, такой ты благородный враг,
 что твой кузен один имеет право
 Убить тебя. Вполне я бодр и крепок;
 Прошу: оружие выбери себе. Аркит Ты первый выбирай. Паламон Себя считаешь
 во всем ты выше? Или, может быть,
 Ты хочешь, чтоб в бою тебя щадил я? Аркит Когда ты это думаешь, кузен,
 То сильно ты ошибся: я, как воин,
 Щадить тебя не буду. Паламон Справедливо. Аркит Ты в этом убедишься.
 Паламон Так и я,
 как честный человек, притом же правый
 В любви своей, охотно отплачу
 Тебе за все. Вот это мне. Аркит А это

Пусть будет мне. Позволь тебе сперва
Надеть твой панцирь.
(Надевает ему латы.) Паламон Но скажи, откуда
Прекрасные ты латы эти взял? Аркит У герцога; сказать тебе по правде,
Я тайно взял их. Кажется, тебя
Я ущипнул? Паламон О, нет. Аркит Ты не находишь,
Что тяжелы они? Паламон Мои, пожалуй,
Полегче были, но и эти также
Годятся. Аркит Я их плотно застегну. Паламон Пожалуйста. Аркит Коней не
нужно будет? Паламон Нет, будем мы сражаться без коней.
Ты, может быть, бой конный предпочел бы? Аркит Мне это все равно. Паламон
Поверь, и мне.
Прошу, подвинь как можно дальше пряжку. Аркит Я сделал это. Паламон Шлем
теперь мне нужен. Аркит Не лучше ли без шлемов нам сражаться,
С открытой головою? Паламон Что ж, пожалуй:
Так будет легче. Аркит Но надень перчатки:
Они, по крайней мере, здесь найдутся
Возьми мои. Паламон Благодарю, Аркит.
Каков мой вид? Не слишком похудел я? Аркит Нет, очень незначительно. Любовь
тебя щадила. Паламон Я тебе ручаюсь,
Что сильно буду наносить удары. Аркит Отлично; не жалею меня; я сам
Стараться буду. Паламон Надевай же латы.
Мне кажутся похожими они
На те, в которых, помнишь, ты сражался
В тот день, когда погибли в битве с нами
Три короля; те были только легче. Аркит Те латы были очень хороши.
Ты в этой битве очень отличился,
Кузен, - гораздо более, чем я:
Такой мне силы не случалось видеть.
Когда помчался ты на левый фланг
Врага, - едва успел я за тобою,
Хоть подо мною был прекрасный конь. Паламон То был гнедой скакун
великолепный. Аркит Да, но напрасно я спешил на нем:
Предупредил ты все мои желанья,
Мне оставалось только подражать. Паламон Ты доблестью своею больше сделал,
Кузен! Ты слишком скромно. Аркит Натиск твой
Был так могуч и страшен, что, казалось,
Удар ужасный грома разразился
Над вражьей ратью. Паламон Ранее того,
Как молния, ты засверкал над нею.
Постой немного: здесь тебе не трет? Аркит Нет, ничего. Паламон Я не хотел
бы ранить
Тебя иначе как мечом: синяк ли,
Царапина ль - меня бы осрамили. Аркит Ну, я готов. Паламон Тогда начнем же
бой. Аркит Возьми мой меч, мне кажется он лучшим. Паламон Благодарю: оставь
его себе;
Ведь жизнь твоя от этого зависит.
А я возьму вот этот, и не надо
Мне лучшего. Да защитят меня
И честь, и право! Аркит А меня - любовь. Они расходятся, затем идут друг к
другу навстречу и останавливаются. Ты, кажется, сказать мне что-то хочешь?
Паламон Еще одно: ты тетка сын моей,
Родная кровь струится в наших жилах;
Твою ль я кровь пролью иль ты мою,
Ее источник общий. Меч мой смертью
Грозит тебе, а если суждено
Тебе меня убить, то я прощаю
Тебя, - и боги пусть тебя простят,
И если место есть, где души храбрых
Найдут покой, - туда да воспарит
Печальный дух убитого. Сражайся ж
Храбрый, кузен! Дай руку мне свою. Аркит Дай мне свою. В последний раз
сжимаю
Как друг твою я руку, Паламон. Паламон Благодарю тебя. Аркит И если буду
Я побежден, то прокляни меня,
Как труса: только трус погибнуть может
В таком правдивом деле. Ну, прощай же,
В последний раз прощай! Паламон Прощай, кузен! Они сражаются. За сценой
раздаются звуки рогов. Аркит Кузен, безумье наше нас сгубило! Паламон Как?
Аркит Это - герцог! Слышишь, - это он

Охотится! И если он застанет
Меня с тобой, – погибли оба мы!
О, ради чести и спасения ради,
В кусты опять укройся поскорее:
Еще найдем мы время умереть!
Кузен мой милый, если нас увидят,
Погибнешь ты за то, что из тюрьмы
Бежал, а я, – когда меня ты выдашь,
За то, что клятвы данной не сдержал.
Весь мир тогда осудит нас; все скажут,
Что спор наш благороден был, но средства,
К которым мы прибегли, были низки. Паламон Нет, нет, кузен! Я больше не
хочу
Скрываться здесь; счастливый этот случай
Не упущу! Твою я вижу хитрость,
И цель твоя понятна для меня.
Кто оробел, тому да будет стыдно!
Ну, защищайся ж! Аркит Ты с ума сошел! Паламон Час этот – мой, и я извлечь
намерен
Всю пользу из него. Что будет после,
Того боюсь я меньше, чем судьбы.
Я говорю тебе, кузен трусливый:
Эмилию люблю я! Для того
убью тебя и все мои несчастья. Аркит Ну, будь что будет! Ты, кузен,
увидишь,
Что умереть – мне столь же легкий труд,
Как говорить иль спать. Я опасуюсь
Лишь одного: что нас закон лишит
Возможности честь нашу обеспечить.
Ну, берегись! Паламон Сам берегись, Аркит! Они сражаются. Снова раздаются
звуки рогов. Входят Тезей, Ипполита, Эмилия,
Пиритой и свита. Тезей Что за глупцы, невежды и злодеи
Осмелились, нарушив мой закон,
Вступить здесь в битву в рыцарской одежде
Без разрешенья моего и даже
Без секундантов? Кастором клянусь я,
Что оба вы умрете! Паламон О, Тезей!
Сдержи ты это слово! Мы злодеи
действительно: пренебрегли мы оба
Тобою и твоею добротой.
Я – Паламон; к тебе любви, конечно,
Я не питаю, так как убежал я
Из стен твоей тюрьмы; подумай только,
Какой преступник я! А он, – Аркит,
Изменник самый дерзкий, самый смелый
Из всех, в стране встречавшихся твоей,
И лживейший из всех друзей притворных.
Он был тобой помилован и изгнан,
Но, вопреки велению твоему,
Остался здесь, и вот, переодетый,
Он за твоею следует сестрой,
Звездой из звезд, Эмилией прекрасной,
Которой я быть должен был слугой,
Затем, что первый я ее увидел
И сердцу дивный образ завещал.
Аркит же хочет дерзостно своею
Ее считать; за это вероломство
Его сюда к ответу я призвал,
В защиту прав любви моей высокой.
И если точно ты, как говорят,
Велик и добродетелен и всюду
С собой приносишь правды торжество,
То повели, чтоб мы опять сражались;
Тогда, Тезей, увидишь ты, что я
дела такие совершу, что зависть
В самом тебе проснется. После ж битвы
Казни меня: готов я умереть. Пиритой что за величье духа! Тезей Я дал
клятву. Аркит Мы милости твоей, Тезей, не просим;
Настолько же легко мне умереть,
как для тебя – приговорить нас к смерти.
Изменником кузен меня зовет;

На то отвечу: если есть измена
В любви, в служенье дивной красоте,
В том, что готов я за нее погибнуть,
В том, что сюда на битву я пришел,
Чтоб оправдать любовь ценою жизни,
И в том, что ей достойно я служил,
И в том, что я готов убить кузена,
который это отрицает, - пусть
Тогда меня изменником считают:
я буду рад! А если твой приказ
Нарушил я, - то посмотри, как дивно
Сестра твоя прекрасна, как велит
Непобедимо взор ее блестящий
Стремиться к ней, любовью к ней пылать!
Спроси ее: и если я изменник
В ее глазах, то пусть, как негодяй,
Умру и буду гнить без погребенья! Паламон Тезей, обоим милость ты окажешь,
Когда велишь обоих нас казнить.
Ты благороден, чист и безупречен,
Не слушай нас! Прошу и заклинаю
Тебя душой кузена твоего,
Чью доблестную память увенчали
Двенадцать славных подвигов, - вели
Казнить нас вместе! Лишь немного раньше
Пускай умрет соперник мой, чем я:
Тогда душа моя спокойна будет,
что дева не достанется ему. Тезей Твое желание готов исполнить я.
Поистине, кузен твой в десять раз
Виновнее тебя: ему я сделал
добра гораздо больше, чем тебе,
Проступки ж ваши были равносильны.
И пусть никто не просит в пользу их:
до вечера уснут навеки оба. Ипполита О, как их жаль! Теперь иль никогда,
Сестра, проси и вымоли пощаду;
Иначе все грядущие века
Лицо твое отяготят проклятием
За гибель двух кузенов. Эмилия О, сестра,
В лице моем нет ничего, что гибель
Иль бедствие им принести могло бы.
Их губят взоры собственных очей.
Но их жалеть, как женщина, должна я,
И пусть к земле колена прирастут,
Но я не встану прежде, чем прощенье
Им испрошу я. Милая сестра,
Мне помоги! В прекрасном этом деле
Соединить должны свои усилья Все женщины.
(Становится на колени вместе с Ипполитой.) О царственный мой брат! Ипполита
Во имя брака нашего! Эмилия Во имя
Твоей ничем не помраченной чести! Ипполита Во имя клятвы, давшей мне и руку

Геройскую, и доблестное сердце! Эмилия Во имя милосердья твоего,
Во имя доблести твоей безмерной! Ипполита Во имя силы мышц твоих, во имя
Ночей всех целомудренных, когда
Ты ласками моими наслаждался! Тезей Вот странный заговор! Пиритой Позволь и
мне
Вмешаться.

(Преклоняет колени.)
Заклинаю нашей дружбой,
Опасностями общими, - всем тем,
что любишь ты: войною и супругой
прекрасною! Эмилия И добротой твоей,
С которою ты отказать не можешь
Цветущей деве! Ипполита Светлыми очами
Твоими, той силою, с которой
ты клялся мне, что я сильнее всех жен,
Почти сильнее всех мужей, - и все же
Тебе, Тезей, я уступила!.. Пиритой Чтобы
нам увенчать все просьбы, - заклинаю
твоею благородною душой,
которая богата милосердьем!
Тебя прошу я первый... Ипполита Я вторая... Эмилия И я прошу, последняя...

Пиритой Яви

Ты милость! Ипполита Милость! Эмилия Милость этим принцам! Тезей Поколебали вы меня. Но если

Равно мне жаль обоих, – что мне делать? Эмилия Оставь им жизнь, пошли их лишь в изгнание! Тезей ты истинная женщина, сестра!

Ты сожалеть и сострадать умеешь,
Но как помочь, – не понимаешь ты!
Когда спасти их хочешь, то придумай
Иное средство, – лучше, чем изгнание.

Ужели оба будут жить, страдая
Из-за любви к тебе, и не убьют
Друг друга? Верь, что будут ежедневно
Они сражаться, будут ежечасно
Испытывать мечом вопрос о чести
Твоей пред целым миром. Будь умна:
Забудь о них; задето дело чести
Твоей, сестра, и данной мною клятвы.
Я их обрек на смерть: пускай же лучше
Они убиты будут правосудьем,
Чем друг от друга примут смерть. Оставь
Мое решение в силе. Эмилия Благородный
Мой брат! Ту клятву дать ты поспешил
Затем, что был разгневан; но рассудок
Велит тебе от клятвы отступить.

Подумай: если б вечно исполнялись
Такие клятвы, – весь бы мир погиб!
Притом напомню я иную клятву,
Мне данную тобою: в клятве той
И силы, и любви, конечно, больше,
Чем в этой: ты ее не в гневе дал,
А в полном разумении! Тезей что за клятва,
Сестра моя? Пиритой Настойчивее будь,
Отважная девица! Эмилия Ты сказал мне,
Что не откажешь никогда ни в чем,
Достойном скромности моей, а также
Твоей свободной воли; и теперь
Ловлю тебя на слове: если слова
Не сдержишь ты, тогда свою ты честь
Унизишь. Я прошу и умоляю,
И ко всему глуха я буду, кроме
Согласия твоего: подумай только,
Как страшно отзовется гибель их
На имени моем и доброй славе!

Как, гибнет тот, кто полюбил меня?
Нет, это слишком было бы жестоко!
Зеленый куст, усыпанный цветами,
Ужель срубить за то, что есть на нем
Больные ветви? О Тезей могучий!
Их матери, страдавшие для них,
Все девушки, мечтающие нежно
О сладостной любви, – готовы будут
Проклясть меня и красоту мою
И в честь погибших двух кузенов сложат
Гимн погребальный, а меня – меня
Все назовут жестокой, ненавистной,
Достойной всяких бед, и стану я
Для женщин всех предметом отвращения!
О, ради неба, сохрани им жизнь,
Карай их лишь изгнанием! Тезей на каких же
Условиях? Эмилия клятву пусть они дадут,
Что никогда искать меня не будут,
Откажутся навеки знать меня,
Страны твоей ногою не коснутся
И, где б им повстречаться ни пришлось,
Друг другу быть должны они чужими. Паламон Пускай меня разрежут на куски,
Но никогда не дам я этой клятвы!
Как? Мне забыть любовь мою? Пусть боги
Тогда меня возненавидят! Герцог,
Изгнанию подчиниться я готов,
Но мы носить мечи, как прежде, будем,
И весь наш спор останется при нас;

А если нет – то праздных разговоров
Довольно нам: скорее нас казни!
Ее любить я и хочу, и смею,
И за любовь могу убить кузена,
Где б я его ни встретил! Тезей Ты, Аркит,
Согласен ли принять ее условие? Паламон Тогда он будет негодяй! Пиритой Вот
люди! Аркит Нет, герцог: это хуже нищеты.
И не могу купить своей я жизни
Такой ценой постыдною. Хотя
Я думаю, что никогда не будет
Она моею, – все же сохраню я
Почетную любовь и умереть
Рад за нее, хоть самой страшной смертью. Тезей Что ж делать нам? Сочувствие
теперь
Во мне самом проснулось. Пиритой Не давай же
Заснуть ему, мой благородный друг! Тезей Эмилия, скажи: когда бы умер
Один из них, – согласна ли тогда
Другого ты назвать своим супругом?
Владеть тобой они не могут вместе;
Тот и другой – прекраснейшие принцы
И по делам своим они так славны,
Как лишь возможно. Посмотри ж на них
И, если можешь полюбить, – покончи
Весь этот спор: я дам свое согласие.
Согласны ли вы, принцы? Паламон и Аркит Всей душой! Тезей Кого она
отвергнет, – должен будет
Тот умереть. Паламон и Аркит Какую хочешь смертью! Паламон Пусть я паду от
милых уст: с отрадой
Умру я; все любовники, – те даже,
которые еще не рождены,
Благословят безжизненный мой пепел. Аркит Пусть буду я отринут: хладный
гроб
Мне станет мил; надгробною хвалю
Мне будут песни воинов звучать. Тезей Что ж, выбирай, сестра! Эмилия Нет, я
не в силах!
Равно прекрасны оба; я б хотела,
Чтоб ни один с них волос не упал! Ипполита Что ж будет с ними? Тезей Вот
что я решаю;
И честью я клянусь, что будет так,
Иль оба пусть умрут: вы, принцы, оба
В свою страну вернетесь; через месяц
Пусть каждый вновь придет, в сопровождении
Трех рыцарей, сюда, на это место;
Здесь пирамиду я поставлю: тот
Из вас, кто может рыцарскою силой
Соперника заставить прикоснуться
К той пирамиде, – будет обладать
Принцессою, другой – повинен смерти,
И с ним его друзья; и пусть не ропщет
Он на судьбу; пусть не помыслит он,
Что умирает с правом на невесту.
Согласны ль вы? Паламон О, да! Кузен Аркит,
До той поры мы будем вновь друзьями. Аркит Я рад тебя обнять. Тезей А ты,
сестра,
Довольна ли? Эмилия Должна я быть довольна:
Иначе бы они погибли оба. Тезей Друг другу дайте ж руку, позабудьте
Свой спор, пока заветный час решенья
К вам не придет, и в путь отправьтесь свой. Паламон Верь нам, Тезей: тебя
мы не обманем. Тезей Теперь же вас прошу идти за мною:
Мы примем вас, как принцев и друзей.
Кто победит, – супругом ей назначим,
А кто падет, – того мы смерть оплачем. Уходят. АКТ IV Сцена 1 Афины.
Комната в тюрьме.
Входит тюремщик и первый из его друзей. Тюремщик И так, других вестей ты не
имеешь?
Не слышно ли чего-нибудь еще
О бегстве Паламона? Первый друг Нет, не слышал
Я ничего: я ранее ушел,
Чем кончилось их дело; но, насколько
Я мог понять, есть много оснований полагать,
Что оба принца будут прощены:

С коленапреклоненъем Ипполита
С прекрасною Эмилией просили
За них так нежно, с грацией такой,
Что герцог, мне казалось, колебался
Между своей поспешно данной клятвой
И просьбами прекрасных этих дам.
Чтоб им помочь, принц Пиритой отважный,
Который для Тезея – часть души,
К их просьбам также присоединился;
Поэтому надеюсь я, что все
Окончится вполне благополучно.
А о тебе иль бегстве Паламона
Никто не говорил. Тюремщик Пошли, о небо,
Спасенье мне! Второй друг
(входя) Спокоен будь, мой друг!
Тебе принес я радостные вести. Тюремщик Заранее я рад им. Второй друг
Паламон
Все разъяснил: получишь ты прощенье!
Он рассказал, как дочь твоя его
Освободила: ей прощенье также
Дано уже. Великодушный пленник,
Ее желая отблагодарить,
Ей жалует большую сумму денег
В приданое. Тюремщик Ты добрый человек
И добрые всегда приносишь вести! Первый друг Но чем все это кончилось?
Второй друг Как чем?
Конечно, те, что никогда не просят,
А требуют, – всегда получают все:
Жить будут оба. Первый друг Ну, я так и думал! Второй друг Но только им
поставлены условия,
которые вы как-нибудь потом
Узнаете. Тюремщик Хорошие, надеюсь! Второй друг Почетные, конечно; хороши
ль
Условия эти, – после будет видно. Первый друг Что ж, поживем – увидим.
Входит жених дочери тюремщика. Жених Горе, горе!
Где ваша дочь? Тюремщик Что за вопрос! Жених Когда
Вы видели дочь вашу? Первый друг Как он смотрит! Тюремщик Сегодня утром.
Жених Что ж, была ль она
Здорова? Как спала? Первый друг Вопросы эти
Довольно странны. Тюремщик Кажется, она
Была как-будто не вполне здорова.
Теперь я вспоминаю; ей вопросы
Я задавал: она мне отвечала
На все по-детски, как-то невпопад,
Бессмысленно, как маленький ребенок
Иль человек в безумии. Я сердился.
Что ж нового о ней? Жених Да ничего
Хорошего: жалеть ее должны мы.
Я должен все сказать вам; пусть же лучше
Узнаете вы это от меня,
Чем от другого, кто не столько любит
Ее, как я. Тюремщик Что с нею? Первый друг Все ли ладно? Второй друг
Неладно с нею? Жених Да, не очень ладно.
Увы, она совсем сошла с ума. Первый друг Не может быть! Жених К несчастью,
это верно. Тюремщик Я видел уж из слов твоих, как только
Вошел ты, что случилась с ней беда.
О боги, помогите ей! Причина
Была здесь или та, что в Паламона
Она влюбилась, или та, что казни
Моей боялась, – или, может быть,
То и другое. Жених Очень вероятно. Тюремщик Но как же это скоро так
случилось? Жених Сейчас я расскажу. Ловил я рыбу
В большом пруду, что позади дворца.
На дальний берег, камышом с осокой
Заросший, я забрался и стоял,
Следя за поплавком. Вдруг звонкий голос
Услышал я. Прислушиваюсь: песню
Поет там кто-то, – женщина иль мальчик.
Тогда я бросил удочку свою,
Пошел на голос; но довольно долго
Никак не удавалось мне узнать,

Кто пел: густой камыш мешал мне видеть.
Прилеж я, чтобы вслушаться, - и вдруг,
Направив взор свой вдоль тропинки узкой,
Прорубленной недавно рыбаками,
Увидел вашу дочь. Тюремщик О, продолжай! Жених Она стояла там и пела;
смысла
В той песне было мало. Повторялось
Одно в ней часто: "Паламон ушел,
В лесу он ищет ягод шелковицы,
Но завтра я найду его". Первый друг Бедняжка! Жених "Его узнают по его
цепям,
Он будет схвачен! Что я буду делать?
Сто девушек тогда я созову,
Красивых, черноглазых, - все влюбленных,
Как я: у них венки из златоцвета
На головах, их губы - точно вишни,
А щеки их красней дамасских роз.
Мы все потешный танец протанцуем
Пред герцогом, чтоб он его простил".
Затем о вас бедняжка все твердила,
Что завтра утром будут вас казнить,
Что надо ей набрать к дню погребенья
Цветов и после дом украсить ими.
Потом она все пела "ива, ива",
Да "ивушка", а также повторяла:
"Мой Паламон, мой Паламон красавец"
и "Паламон был рослый молодец".
В воде она стояла по колена;
На голове венки из камыша
Лежал у ней, а кудри распустились;
Вокруг болотных множество цветов
Торчало, - самых пестрых, разноцветных;
Средь них казалась нимфой она,
Одной из тех, что охраняют воды,
Иль светлую Иридой, к нам с небес
Слетевшею. Венки из трав окрестных
Она плела и к каждому венку
Премило приговаривала: "Это
Союз любви наш нежный", или "Можно
Вот это разделить, но нас - нельзя",
И многое другое. То заплачет,
То запоеет, то вдруг вздохнет печально,
То засмеется, - и целует руки
Сама себе. Второй друг О боги, что за жалость! Жених Я к ней пошел; она,
меня завидев,
Вмиг в воду бросилась; ее я спас,
Схватил и вынес на сухое место;
Но тут она вдруг вырвалась из рук
И с громким криком прочь бежать пустилась
По направлению к городу, - так быстро,
Что я совсем отстал. Потом я видел,
Что трое или четверо людей
Ей бросились наперерез; меж ними
Один был брат ваш. Их увидев, сразу
Она остановилась и упала;
Подняв, ее насилу увели.
Я с нею их оставил и скорее
Направился сюда. Да вот они. Входят брат тюремщика, дочь его и другие. Дочь
тюремщика
(поет) О, не смотреть бы вам на белый свет... Неправда ль, песня хороша?
Брат тюремщика Прекрасна. Дочь тюремщика Могу я двадцать спеть других. Брат
тюремщика Я верю. Дочь тюремщика Вот, например, есть песня "добрый Робин",
иль песня "о метле". Ты не портной ли? Брат тюремщика Портной. Дочь
тюремщика А где ж мой свадебный наряд? Брат тюремщика Я завтра принесу его.
Дочь тюремщика Смотри же!
Да постарайся! Я теперь пойду
Созвать девиц, да музыкантов надо
Нанять; ведь завтра утром я лишусь
Девичества; а то ведь не удастся.
(Поет.) О милый друг, красавец мой!... Брат тюремщика С ней надо терпеливым
быть. Тюремщик Конечно. Дочь тюремщика А, добрый вечер, господа! Скажите,

Шекспир У. Два знатных родича filosoff.org

Не слышали ль о Паламоне вы? Тюремщик Да, девушка, его мы знаем. Дочь тюремщика Правда?
Ведь он – прекрасный кавалер? Тюремщик Еще бы! Брат тюремщика Не возражайте ей, а то она
Расстроится еще гораздо хуже. Первый друг Да, он прекрасный юноша. Дочь тюремщика Не так ли?
Не правда ли? А есть у вас сестра? Первый друг Да, есть. Дочь тюремщика Скажите ей, что ей не будет
Принадлежать он никогда: я знаю
Такое слово. За сестрой смотрите:
Его увидев, в тот же час она
Погибнет. Влюблены ведь в Паламона
Все девушки, что в городе живут.
Но я смеюсь над ними, оставляю
Их без вниманья. Правда, это ловко? Первый друг Да. Дочь тюремщика Между
ними двести от него
Беременны: четыреста их будет,
Но это я держу в строжайшей тайне.
И все родятся мальчики: он знает,
Как это все устроить. Как настанет
Им десять лет, – то в этот самый день
Их оскоят и сделают певцами,
Чтоб подвиги Тезея воспевать. Второй друг Вот это странно. Дочь тюремщика
Даже очень странно,
Но я прошу не говорить об этом. Первый друг Не будем говорить. Дочь
тюремщика К нему приходят
Все девушки, со всех концов страны.
Поверьте мне, что в эту ночь их двадцать
Он обработал: если он захочет,
То может сделать это в два часа. Тюремщик Она погибла! Брат тюремщика
Сохрани нас, небо! Дочь тюремщика Поди сюда: ты умный человек. Первый друг
Она его узнала? Второй друг Нет. О, если б
Она могла его узнать! Дочь тюремщика Ведь ты
Хозяин корабля? Тюремщик Да. Дочь тюремщика Где компас твой? Тюремщик Вот
здесь. Дочь тюремщика Направь на север свой корабль,
В тот лес, где Паламон лежит, тоскуя,
И ждет меня; сама я буду править.
Ну, поднимайте ж якорь, да живей! Все уф, уф! Вот якорь поднят, ветер дует
Благоприятный; поднимите реи
Да распустите парус. Эй, хозяин,
Где твой свисток? Брат тюремщика Пусть будет он у ней. Тюремщик На мачту,
мальчик! Брат тюремщика Где же руль? Первый друг Вот здесь он. Дочь
тюремщика Что видишь ты? Второй друг Прекрасный лес. Дочь тюремщика Ну,
правь же
Туда, да поворачивай скорей!
(Поет.) Луна, заняв у солнца свет...
(Уходят.) Сцена 2 Афины. Комната во дворце. Входит Эмилия, держа два
портрета. Эмилия Нет, раны я должна ухаживать,
Которые готовы уж открыться
И кровь излить из-за меня; должна
Я сделать выбор, чтобы не погибли
Из-за меня два юные красавца,
Чтоб матери не прокляли, рыдая,
Идя в слезах за гробом сыновей,
Мою жестокость. Боги, как прекрасен
Аркид! Сама премудрая природа
С ее дарами, с дивной красотой,
Которую она с такой любовью
Влагает в благородные тела,
Сама она, когда бы превратилась
Вдруг в женщину, в застенчивую деву,
С ума сошла бы от любви к нему!
Какие очи, что за взор прекрасный,
Как пламя, искры мечущий и сладкий
В одно и то же время у него!
Сам Купидон в очах его смеется!
Так резвый и прекрасный Ганимед
Воспламенил любовной страстью Зевса,
И бог похитил юного красавца
И рядом посадил его с собою
В созвездии блестящем. Что за лоб

Возвышенный, красивый, величавый,
Как Гера волоокая! Нежнее
Он округлен, чем Пелопса плечо!
Отсюда честь и слава, как с утеса,
Вознесшего вершину к небесам,
Слетают в мир, внизу лежащий, с песнью
О подвигах и о любви богов
И близких к ним людей. Перед Аркитом
Что Паламон? Лишь призрак, только тень!
Он смугл и худ, и взор его так мрачен,
Как будто мать он потерял свою;
Он как-то вял, в нем живости не видно,
Нет остроумья, резвости веселой,
Не хочет улыбнуться он. Но есть
В нем то, что мы считаем заблуждением
И крайностью; так некогда Нарцисс
Был мрачен и печален, хоть божествен.
О, нет! Кто женской прихоти изгибы
Способен все изведать и понять?
Утратила я, право, свой рассудок.
Я выбрать не могу, и вот я лгу
Бессовестно, и, право, я достойна,
Чтоб женщины меня побили. Нет!
О Паламон! Прошу я на коленях
Прощенья у тебя; ты, ты один
Прекрасен! Эти очи в дивном блеске
Грозят и смело требуют любви:
Какая дева им не покорится?
Серьезности какой, какой отваги
Полны его черты, и как влекут
Они меня к себе! Амур, отныне
Лишь он меня тревожит! Прочь, Аркит!
Ты перед ним – подкидьш, цыганенок,
А благороден только он один!
Ах, я совсем безумна! Я погибла,
Честь девичью готова я забыть.
Спроси меня мой брат, кого люблю я,
И от Аркита я схожу с ума;
Спроси сестра – мне Паламон милее.
Вот оба рядом; брат, спроси: кто лучше?
Не знаю я! Спроси сестра, – нет, я
Хочу подумать! Точно так ребенок,
Увидев две игрушки драгоценных,
Какую предпочесть из них, – не знает
И плачет он о той и о другой! Входит дворянин. Что нового? Дворянин Меня
прислал к вам герцог,
Ваш брат. Для вас известие я принес:
Все рыцари уж здесь. Эмилия чтоб спор окончить? Дворянин Да. Эмилия Лучше
бы покончить мне с собой!
В чем я грешна, о чистая Диана,
Что молодость невинная моя
Окроплена должна быть кровью принцев!
В чем я грешна, что чистота моя
Послужит алтарем, где два влюбленных,
Прекраснейших, достойнейших из всех,
Когда-либо отрадой веселивших
Сердца своих счастливых матерей,
Падут безвинно жертвою кровавой
Моей несчастной красоты! Входят Тезей, Ипполита, Пиритой и свита. Тезей
Прошу
Скорей привезть их: я желаю страстно
Увидеть их. Красавица-сестра,
Поклонники твои вернулись оба
И рыцарей с собою привели.
Теперь должна ты одного из принцев
Как друга сердца выбрать для себя. Эмилия Хотела б лучше я обоих выбрать,
Чтоб за меня никто не погибал
Безвременно. Тезей Кто видел их? Пиритой Я видел. Дворянин А также я.
Входит вестник. Тезей Откуда ты пришел? Вестник От рыцарей. Тезей Скажи
нам, каковы же
Они? Вестник Свои охотно впечатления

Я передам. По внешности судя,
Таких шести бойцов, отваги полных,
Доныне я не видывал еще,
Да про таких не читывал и в книгах.
Тот рыцарь, что стоит на первом месте
С Аркитом, – крепкий, сильный человек;
Судя по виду, это принц природный,
Не очень смугл, но и не бел, – суровый,
Но благородный; смелый и бесстрашный,
Опасность он умеет презирать;
В глазах его огонь таится грозный,
Как-будто скрыт в нем разъяренный лев.
До плеч висят его густые кудри,
Они черны, как ворона крыло;
В плечах широк он, а вооруженье
Его богато; при бедре висит
Тяжелый меч на поясе роскошном,
И кажется, что в каждый миг готов
Запечатлеть мечом свою он волю.
Ну, словом, я уверен: лучше друга
Для воина нельзя и пожелать. Тезей Ты славно описал его. Пиритой Но трудно
В словах коротких описать того,
Который первым возле Паламона
Стоит. Тезей Скажи нам что-нибудь о нем. Пиритой Мне кажется, он также
принц природный,
Пожалуй, даже первого знатней,
Телосложением он его полнее,
Лицо ж его приятней; он румян,
Как зрелый виноград. Сознание видно
В его глазах, за что он будет биться,
И тем, конечно, лучше он сумеет
С отвагой дело друга отстоять.
В лице его уверенность в победе
Сквозит; когда ж разгневадается он,
Сумеет, верно, он владеть собою.
Чтоб, не боясь опасности, свершить
Великий подвиг; страха он не знает,
Хоть, может быть, его и мягок нрав.
Он белокур, курчав; густые кудри
Свиваются, плющу подобно, в пряди,
Которых не распутал бы и гром;
Лицом же он – воинственная дева,
Кровь с молоком, совсем без бороды;
В глазах его живет сама Победа,
Как бы ласкаясь к доблести его.
Горбатый нос – отваги гордой признак,
Румяные же губы после битв
Для дам прекрасных как нельзя приятней. Эмилия Ужель и эти люди все умрут?
Пиритой Когда он говорит, то раздается
Его могучий голос, как труба;
Черты его все правильны и резки;
Оружие его – стальной топор
С роскошной золотой рукоятью,
А лет ему примерно двадцать пять. Вестник Там есть другой, – не очень
крупен ростом,
Но духом, видно, крепок и могуч;
Едва ли он кому-нибудь уступит.
Доныне мне не приходилось видеть,
Кто так бы много обещал, как он. Пиритой Не тот ли это, чье лицо в
веснушках? Вестник Да, это он; не правда ли, они
Ему идут? Пиритой Пожалуй, я согласен. Вестник Веснушек очень мало у него,
Притом расположение их удачно:
Они ему решительно к лицу.
Не темен цвет его волос, но также
Не слишком светел, – мужествен, с оттенком
Каштановым; а сам подвижен он,
В нем деятельный дух заметен сразу.
Он мускулист, его могучи руки,
Их мышцы очень выпуклы, у плеч
Они немного пухлы, как у женщин,
Впервые плод зачавших; нет сомненья,

Что очень он вынослив; время лат
Ему не тяжело; он тих, спокоен,
Но в гневе будет он свиреп, как тигр.
Взор серых глаз грозит и побеждает
И, вместе с тем, сочувствие сулит;
Он зорко видит выгоду и всюду
Умеет ею быстро овладеть;
Он не обидит, но обид не стерпит.
Лицо его довольно кругло; если
Улыбкою оно освещено,
Он кажется влюбленным, а нахмурясь
Как самый грозный воин он глядит.
На голове его венки дубовый,
Победы знак, - в нем дамы сердца бант.
На вид ему лет тридцать шесть; он держит
В руке своей большую булаву
Тяжелую, в серебряной оправе. Тезей и все они настолько ж хороши? Вестник
Их можно всех назвать сынами чести. Тезей Ну, так клянусь душою: я хочу
Скорей их видеть. Милая супруга,
И ты должна смотреть на бой. Ипполита Охотно;
Но самый спор не так мне интересен,
Как случай видеть витязей двух стран.
Как жаль, что так жесток Амур! Что скажешь,
Сестра мягкосердечная? Не плачь
И слез не лей, пока их кровь не льется. Тезей Ты мужество своею красотой
В них возвышаешь.
(Пиритю.)
Друг мой благородный,
Тебе устроить поручаю я
Арену, чтоб она была достойна
Тех, кто сражаться будет. Пиритой я готов. Тезей я к ним пойду; терпенья не
хватает
Дождаться их, - так я воспламенен
Рассказами. Так постарайся ж, друг мой. Пиритой все сделаю, чтоб их принять
роскошно. Эмилия Плачь, плачь, бедняжка: кто б ни победил,
Твой грех кузена знатного сгубил.
(Уходят.) Сцена 3 Афины. Комната в тюрьме. Входят тюремщик, жених его
дочери и доктор. Доктор Не правда ли, ее расстройство особенно усиливается
в некоторые дни месяца? Тюремщик Она постоянно расстроена, но в безобидном
роде: она мало спит, очень плохо ест и только часто пьет. Она все грезит о
другом, лучшем мире; ко всякой мелочи, которую она видит вокруг себя, она
привязывает имя Паламона, вмешивает его во всякое занятие, прицепляет его к
каждому вопросу. Вот она идет: посмотрите, и вы увидите, как она ведет
себя. Входит дочь тюремщика. Дочь тюремщика Я совсем забыла это; припев был
"радость, радость"; сочинил эту песню не кто иной, как Джеррольд, учитель
Эмили. Он очень странен, странней чем кто-либо, ходивший на ногах. В
другом мире Дидона увидит Паламона и тогда разлюбит Энея. Доктор Что за
бессмыслица! Вот бедняжка. Тюремщик И так постоянно, целыми днями. Дочь
тюремщика Теперь поговорим о колдовстве, о котором я вам рассказывала. Вы
должны принести серебряную монету на кончике языка, а то вас не перевезут.
Тогда, если вы так счастливы, что попадете в страну блаженных духов, -
будем на это надеяться, - то мы, девушки, которых жизнь погибла, разбита на
куски любовью, все придем туда и будем заниматься только срыванием цветов
для Паламона. Я наберу для него букет, и тогда, заметьте, тогда... Доктор
Какой у нее милый бред! Посмотрим, что будет дальше. Дочь тюремщика Право,
я расскажу вам все. Иногда мы, блаженные души, будем там играть, бегать
взапуски. А для тех, которые живут в другом месте, - увы, жизнь будет
скорбная; они горят, мерзнут, кипят, визжат, воют, скрежещут зубами,
проклинают! О, им тяжко приходится! Берегитесь: если кто-нибудь сойдет с
ума, повесится, утопится, - все они попадут туда. Спаси нас, Юпитер! Там их
бросят в котел с расплавленным свинцом и кипящим жиром ростовщиков и они
будут без конца вариться там, как свиной окорок. Доктор Чего только не
выдумывает ее мозг! Дочь тюремщика Знатные люди и царедворцы, обольстившие
девушек, попадут именно в это место. Они будут стоять в огне до пупка, а на
сердце у них будет лед; таким образом те части тела, которые нанесли обиду,
будут гореть, а те части, которые обманули, - будут мерзнуть. Право, это
очень жестокое наказание за такие пустяки; поверьте мне, для того, чтобы
избавиться от этого, многие согласились бы жениться на прокаженной
колдунье. Доктор как она фантазирует! Это не закоренелое сумасшествие, а
тяжелая и глубокая меланхолия. Дочь тюремщика Если бы вы слышали, как
гордая дама и простая городская женщина воют вместе! Я была бы скотиной,

если бы нашла это забавным. Одна кричит: "О, какой дым!" а другая: "О, какой огонь!" Одна кричит: "О, зачем я делала это за занавеской!" и громко воет, а другая проклинает своего возлюбленного и садовую беседку. (Поет.) Верна я буду звездам и судьбе...

(Уходит.) Тюремщик Что вы скажете о ней, господин доктор? Доктор Мне кажется, что она совсем помешалась, и я не могу ей помочь. Тюремщик Увы, что же нам делать? Доктор Не знаете ли, не любила ли она кого-нибудь раньше, чем увидела Паламона? Тюремщик Прежде я очень надеялся, что она отдаст свое сердце вот этому господину, моему другу. Жених Мне тоже так казалось, и я готов многое отдать, хоть половину моего состояния в доказательство того, что как я, так и она до сего времени откровенно были расположены друг к другу. Доктор Взор ее был поражен и это повело к расстройству других чувств. Может быть, разум к ней вернется и все чувства снова будут действовать, как должно; но в настоящее время они в полном заблуждении. Вот что следует вам сделать: поместите ее в комнату, куда едва проникал бы свет. Вы, молодой человек, друг ее, назовитесь Паламоном; скажите ей, что пришли пообедать вместе с нею и поговорить о любви; это привлечет ее внимание, так как она только об этом и думает: прочие предметы, попадающие между ее духовным и телесным взором, лишь помогают ей разнообразить и украшать свое безумие. Пойте ей нежные песни любви, которые, по ее словам, Паламон пел в тюрьме. Принесите ей самых лучших цветов, которые можно найти в это время года, и прибавьте к ним еще разные духи, благоприятно действующие на чувства. Все это будет соединяться с представлением о Паламоне, так как Паламон умеет петь, Паламон любезен и воплощает в себе все хорошее. Предлагайте ей обедать вместе с нею, угощайте ее, пейте за ее здоровье и в это время старайтесь снискать ее расположение. Узнайте, какие девушки были ее знакомыми и подругами в играх: пускай они придут к ней разговаривать о Паламоне, а вы в это время явитесь под его личиною. Она создает себе лживые представления и ложью надо бороться с ними. Таким образом вы заставите ее и есть, и спать и приведете в прежний порядок то, что теперь вышло из колеи. Мне такое лечение удавалось, не знаю, сколько раз; и я надеюсь, что этот случай увеличит число моих успехов. Примитесь за исполнение этого, не откладывая дела в долгий ящик: поверьте, мы все уладим. (Уходят.) АКТ V Сцена 1 Афины. Три жертвенника, из которых один посвящен Марсу, другой Венере, третий Диане. Трубы. Входят Тезей, Пиритой, Ипполита и свита. Тезей Пускай войдут и здесь перед богами мольбы свои повергнут. Пусть весь храм священными огнями озарится, Пусть облака святого фимиама Над алтарями вознесутся к тем, Кто выше нас; свершите все обряды, Затем, что дело важности высокой В руках богов: они почтут того, Кто, мощный телом, с верною любовью Им служит. Пиритой Государь, они идут. Раздаются звуки рожков. Входят Паламон и Аркит со своими рыцарями. Тезей Вы, славные соперники-герои, Вы, царственные кровные враги! Настал тот день, который пламя дружбы И близости, пылавшее меж вас, Потушит. Позабудьте же на время Раздор свой пред священным алтарем И с голубиной кротостью, с мольбою К богам, которых каждый смертный чтит, Свой непреклонный стан вы преклоните. Ваш спор важней, чем споры прочих смертных: Бессмертная вам помощь тем нужней. Итак, по чистой совести сражайтесь И помните: вы на глазах богов! Я ухожу, молитесь: я победы Равно желаю каждому из вас. Пиритой Достойнейший почтен да будет небом! Тезей, Ипполита и свита удаляются. Паламон Часы бегут и бег их не прервется, Пока один из нас не будет мертв. Одно скажу тебе, Аркит: когда бы Во мне нашлось хоть что-нибудь, что стало бы Спротивляться исполнению дела, Которое я должен совершить, Будь это глаз, восставший против глаза, Или рука, другой моей руке Помочь не пожелавшая, - их мигом

я уничтожил бы. И если я
Часть самого себя убить способен,
Пойми, что должен сделать я с тобой! Аркит что до меня, - я приложу все
силы,
Чтоб позабыть об имени твоём,
О нашей дружбе, нашей кровной связи,
Вообразив тебя враждебной силой,
Которую я должен поразить.
Итак, свои мы паруса распустим,
Куда ж корабль примчится, - пусть решают
Небесные вершители судеб. Паламон Слова твои прекрасны. Пред разлукой
Позволь же мне обнять тебя, кузен.
В последний раз тебя я обнимаю. Аркит Прости, кузен! Паламон Прости в
последний раз. Они обнимаются; Паламон и его рыцари уходят. Аркит Вы,
родственные рыцари, вы жертвы
Любви моей, влюбленные и сами,
Вы, Марса слуги верные, чей дух
Избавил вас от чувства страха, даже
От мысли о возможности робеть,
Приблизьтесь вы со мною вместе к богу,
Которому привыкли мы служить!
Попросим, чтобы в битве предстоящей
Он дал нам сердце львов, отвагу тигров
И быстроту великую, чтоб мы
Не медлили, улиткам уподобясь.
Вы знаете, что приз мой в этой битве
Извлечь я должен из потоков крови;
Вы знаете, что мы должны свершить
Великий подвиг мужества и силы,
Чтоб мне добыть венки победы славы,
В который мне красавица воткнет
Цветов царицу, и должны мы будем
Все поле битвы кровью окропить.
Прошу вас поддержать меня! Теперь же
С молитвой жаркой к Марсу припадем. Они подходят к алтарю Марса, падают
пред ним ниц, а потом становятся на
колени. О ты, великий, грозный бог, чья сила
Зеленый цвет Нептуна превращает
В багровый; ты, которого кометы
Страшатся; ты, который на полях
Опустошенных оставляешь груды
Непогребенных мертвых черепов,
Сдуваешь яства со стола Цереры,
Рукою, в сталь закованной, срываешь
Вершины башен из-под облаков,
Из камня твердый пояс создаешь
Вкруг городов и разрушаешь вновь,
О, помоги мне, твоему питомцу,
Наперсника грозы твоей наставь,
Дай силу мне и ловкость, чтобы гордо
Свое я поднял знамя в честь твою
И стал героем дня. О Марс великий!
Тебя молю я знаменье послать,
Угодна ли тебе моя молитва! Они снова простираются ниц. Слышится стук
оружия, затем короткий гром, как
бы от шума битвы. Они встают и кланяются алтарю. О ты, великий мощный
исправитель
Седых времен работы вековой,
Решитель чести имени и сана,
Покрытых пылью славною веков;
О ты, который кровью исцеляешь
Болезнь земли и охраняешь мир
От лишнего избытка населения,
Позволь же мне считать благоприятным
То знаменье, которое ты дал,
И действовать с отвагою во имя
Твое, великий! Рыцари, пойдем.
(Уходят.) Входят Паламон и его рыцари. Паламон Должны теперь зажечься наши
звезды
Сияньем новым, или же навеки
Они погаснут. Наш девиз - любовь,

И если тот девиз любви богине
Угоден, - нам победу даст она.
Итак, соедините ж ваши души
С моею; дело сердца моего
Пусть будет также личным делом чести
Для ваших чистых, доблестных сердец!
Венере весь наш подвиг посвящая,
О помощи помолимся мы ей. Они подходят к алтарю Венеры, простираются перед
ним и затем становятся на
колени. Приветствую тебя, богиня тайн!
Ты можешь нежной силою своею
Тирана злого ярость укротить,
Как девушку, его заставив плакать;
Единым взглядом ты заставить можешь
Умолкнуть Марса грозный барабан,
Шум битвы в сладкий шепот превращая.
Калека жалкий силою твоей
Способен вдохновиться: вместо флейты
Сыграет он на костыле своем
Любовной неги сладостную песню
И пред очами феба исцелится.
Захочешь ты - и, покорясь тебе,
Король вассалом подданного станет;
Закоренелый холостяк, чья юность
Перескочила чрез твои огни,
Как прыгают веселые ребята
Чрез праздничный костер, - попавшись в сети
Твои, поет, назло охрипшей глотке,
Любовные романсы. Что тебе,
Богиня, недоступно? Даже феба
Ты согреваешь жарче, чем он сам
Лучами греет; смертного он сына
Сожег, а твой огонь сжигает бога!
Холодная Охотница сама,
Как говорят, была готова бросить
Свой лук для вздохов сладостной любви.
Молю тебя, как воин твой усердный:
ко мне, богиня, милостива будь!
Всегда готов носить твое я иго
Беспрекословно, как венец из роз,
Хоть тяжелей оно, чем груз свинцовый,
И сердце жжет больней крапивы злой.
Всегда я верен был твоим законам,
Священных тайн твоих не раскрывал,
Да и не знал; но если б все их знал я,
То и тогда я не открыл бы их.
Я жен чужих не увлекал любовью,
Нескромных книг читать я не любил;
На пиршествах я гнусными речами
Не увлекал красавиц, но краснел,
Когда другие гнусно поступали.
Развратников сурово я бранил,
им говоря: "Ужели позабыли
Вы мать свою?" А сам, имея мать,
Как женщину, ее не оскорблял я,
Уверенный, что женщину обидеть
Простительно лишь женщине. И вот
Рассказывал я им, что знал однажды
Я старика восьмидесяти лет,
который на четырнадцатилетней
Красавице женился: ты, богиня,
Огонь любви вселила в этот прах!
То был калека старый, кривоногий;
От ревматизма пальцы все в узлах;
Глаза его, из впадин вылезая,
Готовились как будто выпасть; жизнь
Была ему, казалось, лишь мученьем.
И что же? Несчастный этот полутруп
Имел ребенка от жены прекрасной!
Ребенок был его: она сама
Мне в том клялась, - и кто б ей не поверил?

Ну, словом, я для гнусных болтунов,
Всегда грешить готовых, – не товарищ;
От хвастунов, еще не согрешивших,
С презрением отворачиваюсь я;
За тех, кто согрешил бы, но не встретил
Возможности, – я радуюсь; того,
Кто повествует о делах бесстыдных,
Свершенных тайно, – также и того,
Кто дерзко все притоны называет,
Я ненавижу. Я клянусь, что нет
Любовника верней меня! И ныне
Твоей, богиня, помощи прошу я:
Дай мне победу в битве роковой,
Я заслужил ее любовью верной!
Пошли, богиня, знаменье свое,
Чтоб я уверен был, что ты довольна! Слышится музыка; появляются голубки,
порхающие над алтарем; Паламон и рыцари
падают ниц, затем становятся на колени. Великая, прекрасная богиня,
У смертных от одиннадцати лет
Царящая в сердцах до девяноста,
Ты, чьей охоты поле – целый мир,
А мы – лишь дичь, гонимая тобою,
Благодарю за знаменье твое!
Им сердце ты мое вооружаешь
Невинное, чтоб смело шел я в бой!
Вставайте же; богине поклонившись,
Пойдем отсюда: время истекло. Они кланяются алтарю и уходят. Раздается
тихая музыка; входит Эмилия в белом платье, с волосами, распущенными по
плечам, и в венке из колосьев; одна из девушек, в белом платье, несет ее
шлейф; волосы ее убраны цветами; другая несет впереди серебряный сосуд с
ладаном и благоуханиями и ставит его перед алтарем Дианы. Девушки
становятся поодаль, а одна из них зажигает огонь на алтаре.
Они делают реверанс перед алтарем и становятся на колени. Эмилия О ты,
богиня хладная, святая,
Царица ночи, в гордом постоянстве
От всех страстей свободная, немая,
Одна царишь ты в сладкой тишине
И в молчаливом созерцании мира,
Чиста, как целомудрие само,
Бела, как снег, носимый легким ветром;
И даже в девах, воинах твоих,
Ты допускаешь крови лишь настолько,
Насколько нужно для румянца щек,
Который есть знак ордена Дианы.
Как девственная жрица, пред тобой,
Богиня, я колена преклоняю;
О, удостой взглянуть зеленым оком,
Которое не зрело никогда
Нечистых дел, на трепетную деву
Твою; склони, сребристая богиня,
Свой слух, который был всегда закрыт
Для грубых слов и для нескромных звуков,
К мольбе моей, которую теперь
Я приношу тебе в священном страхе.
В последний раз, как девственница, я
Молюсь тебе; одета я невестой,
Но сердцем – дева; выхожу я замуж,
Но за кого, – не знаю; одного
Из двух должна я выбрать и победу
Послать ему молю тебя, но выбор
Пусть не зависит от меня; когда бы
Решала я сама, то я сказала б:
Равны они! Губить ни одного
я не хочу, и если кто погибнет,
Пусть будет он не мною осужден!
А потому, о скромная богиня,
Победу дай тому, кто больше любит
меня и больше прав имеет: пусть
С меня снимает он венец мой брачный,
Иль повели мне до скончания дней
Продлить безбрачья нить, остаться девой,

Как пред тобой я девой предстою. Серебряный сосуд исчезает под алтарем; на его месте появляется куст с розой на вершине. Так вот каков, владычица благая Приливов и отливов, твой ответ, Из недр святого алтаря восставший! Одна лишь только роза! Если верно Я поняла, ответ твой означает, Что в битве оба витязя падут, И я одна останусь, без супруга, Как девственный, не сорванный цветок! Раздаются внезапные звуки инструментов, и роза падает с куста, который исчезает под алтарем. Цветок упал, за ним исчез и куст. Богиня, облегчаешь ты меня! Я вижу, что супруга получу я, Но воли все ж не знаю я твоей: Она покрыта тайной.

(Встает.)

Я надеюсь,

Что угодила я своей молитвой:

Ко мне богини милостив ответ.

(Уходит.) Сцена 2 Афины. Комната в тюрьме. Входят доктор, тюремщик и жених в одежде Паламона. Доктор Ну, что ж, помог ли мой совет? Жених Да, очень:

Знакомые девицы, к ней придя,

Ее почти совсем уж убедили,

Что я – сам Паламон; чрез полчаса

Она пришла ко мне и, улыбаясь,

Спросила, что я ем, и не хочу ли

Поцеловать ее. На это я

Отвечил ей: "Хочу, мой друг", и дважды

Поцеловал. Доктор Отлично! Двадцать раз

Еще бы лучше: ведь в этом все лечение. Жених Затем она сказала мне, что будет

Без сна всю ночь, чтоб уловить тот час,

Когда я к ней почувствую влечение. Доктор Пускай; когда влечение то придет,

Его сейчас же удовлетворяйте. Жених Затем она меня просила спеть. Доктор

Что ж, пели вы? Жених О, нет! Доктор Ну, это плохо:

Во всем ей надо угождать. Жених Увы!

Ведь голоса я, доктор, не имею! Доктор Ну, все равно: какой-нибудь хоть звук

Издайте; все, чего б ни попросила,

Ей делайте; захочет, – лягте с нею. Тюремщик Ну, доктор! Доктор Да; так требует лечение. Тюремщик Но прежде надо помнить то, чего

Честь требует. Доктор Вот нежности пустые!

Иль честь дороже вам, чем ваша дочь?

Сперва ее нам вылечить вы дайте,

А после, если ваша дочь честна,

Она пойдет вперед! Тюремщик Спасибо, доктор. Доктор Нельзя ль позвать ее сюда? Хочу

Ее я видеть. Тюремщик Я схожу за нею,

Скажу, что Паламон ее зовет;

Но, доктор, не опасно ль?

(Уходит.) Доктор Ладно, ладно!

Вы все, отцы, порядочные дурни;

Скажите: честь ее ему нужна!

Вот мы дадим лекарство, так увидим... Жених Как, доктор, разве думаете вы, что не честна она? Доктор А сколько лет ей? Жених Ей – восемнадцать. Доктор

Может быть, честна;

Но это все равно для нашей цели,

И, что б ее отец ни говорил,

Как только вы заметите, что мысли

Ее наклонны, – знаете, к тому,

Videlicet {То есть (лат.)}, – ну, словом, к делу плоти,

Надеюсь я, вы поняли меня? Жених Да, доктор, понял. Доктор Удовлетворите

Вы аппетит ее, да хорошенько:

Тогда вся меланхолия ее

Излечится сейчас же, ipso facto {Тем самым (лат.)}. Жених Да, я согласен, доктор. Доктор Уж поверьте,

Что будет так. Но вот она идет:

Развеселить ее вы постарайтесь. Входят тюремщик, дочь его и служанка.

Тюремщик Иди, дитя; твой Паламон здесь ждет

Уж целый час: тебя он хочет видеть. Дочь тюремщика Его благодарю я за терпение;
Он добр; я так обязана ему!
Вы видели, он подарил мне лошадь? Тюремщик Да. Дочь тюремщика Правда, конь хорош? Тюремщик Великолепен. Дочь тюремщика Вы видели, как этот конь танцует? Тюремщик Нет. Дочь тюремщика Я видала; ах, как он красив!
Особенно он быстр и ловок в джиге:
Совсем волчок! Тюремщик Да, это хорошо. Дочь тюремщика Пройти он может мавританским танцем
В час двадцать миль, - а это утомит
Любую деревянную лошадку,
Хоть лучшую во всем приходе нашем.
К тому же он танцует под мотив известной песни "Свет любви". Неправда ль, чудесный конь? Тюремщик Пожалуй, он умен
Настолько, что и в мяч сыграть он может? Дочь тюремщика Ах, нет! Тюремщик Читать, писать умеет он? Дочь тюремщика Отлично пишет: превосходный почерк!

Он сам ведет счет сена и овса,
И конюху, который захотел бы
Его надуть, пришлось бы нелегко.
Не знаете ль кобылу вы гнедую
На герцогской конюшне? Тюремщик Да. Дочь тюремщика Она
В него ужасно влюблена, бедняжка;
Но он, как господин его, суров
И скромн. Тюремщик Есть приданое за нею? Дочь тюремщика За нею сена двести
есть возов
И двадцать мер овса. Но он не хочет
И знать о ней: он сладострастно ржет,
Когда завидит мельника кобылу,
которую готов он соблазнить. Доктор Что за ужасный вздор она болтает?
Тюремщик Ну что же, сделай реверанс: ведь вот
Возлюбленный твой здесь. Жених Как поживаешь,
Красавица? Вот милая девица!
И как прекрасно сделан реверанс! Дочь тюремщика К услугам вашим, сколько
честь позволит.
Не можете ль сказать мне, господа,
Далеко ли от этих мест край света? Доктор Пожалуй, целый день пути. Дочь
тюремщика Хотите
Со мной идти туда? Жених Но что же будем
Мы делать там? Дочь тюремщика Что? Мы сыграем в мяч.
Чего же больше делать там? Жених Отлично;
Нельзя ли нашу свадьбу там сыграть? Дочь тюремщика Да, это верно. Там найти
мы можем
Священника слепого, чтобы нас
Он обвенчал; а здешние все глупы
И слишком привередливы; к тому же
Повесят завтра моего отца,
И это может нам испортить дело.
Вы - Паламон? Жених Ведь знаешь ты меня? Дочь тюремщика Да, но меня вы
знать не захотите;
Ведь у меня нет ничего: вот эта
Лишь юбочка, да две плохих рубашки. Жених Мне все равно: хочу владеть
тобою. Дочь тюремщика Серьезно? Жених Да, клянусь твоей рукой. Дочь
тюремщика Ну, так пойдем в постель. Жених
(целуя ее) Когда угодно. Дочь тюремщика О, как охотно лакомитесь вы! Жених
Зачем же ты мой поцелуй стираешь? Дочь тюремщика Он очень сладок; как меня
прекрасно
Он к нашей свадьбе надушит! А это
Ведь ваш кузен Аркит? Доктор Да, дорогая.
Как рад я, что кузен мой Паламон
Такой прекрасный выбор сделал! Дочь тюремщика Правда?
Он женится на мне? Доктор Ну да, конечно. Дочь тюремщика И вы того же
мнения? Тюремщик Да. Дочь тюремщика У нас
Детей родится много. Ах, как сильно
Вы выросли! И друг мой Паламон,
Надеюсь, тоже вырастет: ведь снова
Свободен он. Ах, он, голубчик мой,
Так долго не имел еды хорошей
И даже крова был лишен! Но я
Поправлю все, его целуя нежно. Входит вестник. Вестник Что делаете вы? Ведь

вы лишитесь

Прекраснейшего зрелища. Тюремщик Бойцы
Уж на арене? Вестник Да; и вам там надо
Быть непременно. Тюремщик Я сейчас иду.

(Доктору.)

Я должен вас покинуть. Доктор Вместе с вами
И я пойду; и я хочу смотреть. Тюремщик Как вы ее находите? Доктор Ручаюсь,
Что в два-три дня мы все поправим вам.

(Жениху.)

Смотрите ж, от нее не отходите

И не давайте ей сходить с пути. Жених Согласен. Доктор Пусть она свое
получит. Жених Душа моя, пойдём теперь обедать,
А после в карты будем мы играть. Дочь тюремщика И будем целоваться? Жених
О, конечно,

Хоть сотню раз. Дочь тюремщика И двадцать? Жених Да, и двадцать. Дочь
тюремщика А после мы и спать пойдём вдвоем? Доктор Скорее принимайте
предложение. Жених Охотно. Дочь тюремщика Но не сделайте мне больно. Жених
Спокойна будь. Дочь тюремщика А то я закричу!

(Уходят.) Сцена 3 Часть леса близ Афин, недалеко от места, назначенного для
битвы. Трубы. Входят Тезей, Ипполита, Эмилия, Пиритой и свита. Эмилия Я
дальше не пойду. Пиритой Как, разве можно

Себя такого зрелища лишать? Эмилия Пожалуй, я охотно бы смотрела,

Как ловко ловит муху королек,

Но не хочу смотреть на эту битву,

Где каждый из ударов угрожает

Сгубить навеки доблестную жизнь,

Где каждый взмах грозит тяжелой раной,

Где лязг мечей есть похоронный звон.

Довольно, что мой слух терзаться будет,

Когда услышит горестную весть,

К которой не могу я быть глухою.

Так пусть же хоть глаза мои не видят

Того, что им ужасно. Пиритой Государь,

Сестра твоя идти не хочет дальше. Тезей Она должна идти, чтоб лицезреть
Великие дела отважной чести

В прекрасном исполнении; здесь сама

Природа нам историю напишет;

Так пусть же слух и зренье укрепят

Об этой битве доблестную память.

И ты должна присутствовать, сестра:

Ведь ты награда, приз, венец победы,

Твой долг судьбы решенье увенчать. Эмилия Прости, мой брат: но если б там
была я,

Глаза бы я закрыла. Тезей Этот бой

Есть ночь, где ты одна звездой быть можешь. Эмилия Затмилась та звезда; им
нужен свет

Лишь для того, чтоб отыскать друг друга;

Так пусть же Тьма, мать Ужаса, проклятые

Несущая миллионам смертных, ныне

Свой черный плащ набросит на обоих,

Чтоб друг от друга скрыть их; пусть она

Хоть этим имя доброе заслужит

И оправдает несколько убийц

В том, в чем она сама одна виновна. Тезей Но ты должна идти. Эмилия О нет,
клянусь,

Я не пойду. Тезей Своим прекрасным взором

Ты мужество у рыцарей зажжешь.

Подумай: ты - предмет войны; конечно,

При ней ты и присутствовать должна. Эмилия Нет, государь, прости: война за
царство

И вне его быть может ведена. Тезей Что делать; как желаешь. Те особы,
которые останутся с тобой,

Могли бы, право, пожелать свой жребий

Своим врагам. Ипполита Прощай, сестра; недолго

Мне ждать, когда предстанет пред тобой

Супруг твой. Боги знают, кто есть лучший

Из двух, и буду я богов молить,

Чтоб лучшего тебе они избрали. Уходят все, кроме Эмилии и немногих лиц из
свиты. Эмилия Армит красив, но есть в его глазах

Как будто хитрость; так бывает спрятан

В ножнах красивых, мягких - острый нож.

В нем мужество и мягкость сочтались.
А Паламон имеет грустный вид:
Он часто хмурит брови, гневным взором
Как будто хочет насмерть поразить.
Но не всегда таков он; настроение
Меняет весь лица его характер.
Внимателен и долог взор его
И грустный вид красавца благороден
Настолько ж, как веселый вид Аркита.
И грусть и радость так смешались в нем,
Что в грусти виден радости оттенок,
А в радости его – печали след,
И сумрачность, которая бывает
В других так неприятна, только красит
Его лицо. Раздаются звуки рожков; за сценой трубят к атаке. Чу, там уже
трубят
И возбуждают принцев к состязанью.
Аркит меня, быть может, завоюет;
Однако же: что если Паламон
Его так ранит, что совсем испортит
Ему лицо? Как это было б жаль!
Когда б я там была, то им, пожалуй,
Я повредила б: на меня взглянув,
Один из них забыл бы защищаться
Иль упустил бы случай к нападенью;
Гораздо лучше, что меня там нет!
Да, было б лучше вовсе не родиться,
Чем быть такого бедствия виной. Звуки рожков и громкий крик "Паламон!" за
сценой. Что там случилось? Слуга Имя Паламона
Народ провозглашает. Эмилия Это значит,
что Паламон победу одержал.
Да, это было очень вероятно:
Весь вид его сулил ему успех;
Конечно, из мужей он – самый лучший.
Поди узнай подробнее, в чем дело,
и расскажи. Снова звуки рожков и крики "Паламон!" за сценой. Слуга Вновь
крики "Паламон!" Эмилия Беги, узнай. Слуга уходит. О, мой слуга несчастный,
Ты побежден! Портрет твой я носила
Здесь, на груди, на правой стороне,
На левой же – портрет был Паламона.
Сама не знаю, почему я так
Их поместила: так судьба хотела;
А сердце ведь на левой стороне,
И этот знак был в пользу Паламона. Снова раздаются за сценой крики и звуки
рожков. Вновь взрывы крика. Это означает,
Наверное, что кончен этот бой. Слуга
(входя) Сказали мне, что Паламон Аркита
Почти до пирамиды оттеснил,
И все кричали "Паламон"; но быстро
Союзники Аркита взяли верх,
И снова обе стороны сравнялись. Эмилия О боги, если б оба в одного
Вдруг превратились! Нет, тогда бы, право,
И женщины на свете не нашлось,
которая была б его достойна.
Их личные достоинства, их доблесть,
Особая для каждого из них,
Их делают неравными: на свете
Нет женщины, которая была бы
Обоим им равна. За сценой звуки рожков и крики "Аркит, Аркит!". Опять
кричат?
И снова "Паламон"? Слуга О, нет: Аркита
Теперь провозглашают. Эмилия Напряги
Весь слух свой: пусть внимают оба уха. За сценой звуки рожков, сильный шум
и крики: "Аркит, Аркит, победа!". Слуга Теперь кричат, что победил Аркит;
Вы слышите: "Аркит, Аркит, победа!"
И громко возвещают звуки труб
Конец сражения. Эмилия Даже близорукий
Мог видеть, что Аркит – не мальчик слабый.
Богатство духа доблестного в нем
Сквозило ясно, – не могло укрыться,

Как скрыть нельзя огня в мешке, как мели
Не могут скрыться под водой, когда
С них бурный ветер воду всю сгоняет.
Я думала, что победит Аркит;
Не знаю, почему мне так казалось:
Рассудок наш – плохой пророк; лишь сердце
Предчувствует. Но вот они идут...
Ах, бедный Паламон! Звуки рожков за сценой. Входят Тезей, Ипполита,
Пиритой, Аркит в качестве
победителя и свита. Тезей Здесь в ожидании
Тревогою сестра томится наша.
Прекрасная Эмилия, тебе
Богов веленьем дан вот этот рыцарь,
Прекраснее его на свете нет.
Итак, соедините ж ваши руки;
Возьми ее, Аркит, а ты его,
Эмилия, и пусть всегда меж вами
Растет любовь, сильнее из года в год. Аркит Эмилия, чтоб мог тебя купить я,

лишиться был я принужден того,
что было мне всего дороже в мире,
Конечно, кроме лишь одной тебя.
Но, на твои достоинства взирая,
Я вижу, что я дешево купил. Тезей Сестра моя! Он говорит, как лучший
Из рыцарей, когда-либо седлавших
Горячего коня. Холостяком
Его должны бы, право, боги сделать,
Чтоб чересчур божественным потомством
Не населил он мир. Я очарован
Так сильно им, что, кажется, Алкид
В сравненье с ним – кусок свинца простого:
В каком бы отношении я ни стал
Хвалить его, – ни в чем не уступил бы
Аркит, – скорей бы даже превзошел!
Однажды ночью мне случилось слышать
Двух соловьев прекрасных состязанье;
То начинал один одолевать,
То вновь другой соперник отличался,
То снова первый брал, казалось, верх,
И долго длился спор их без решенья.
Так точно здесь был долог спор двух братьев
Двоюродных, и вот, в конце концов,
Богами нам указан победитель.
Итак, носи ж победный свой венец
С отрадой в сердце. Что ж до побежденных,
То пусть сейчас же их ведут на казнь:
Им жизнь теперь, – я знаю, только бремя.
Пускай на этом месте их казнят,
Но мы при том присутствовать не будем:
Уйдем отсюда мы с отрадой в сердце,
Хотя с оттенком грусти. Ипполита,
В глазах твоих заметил я слезу,
Готовую упасть. Эмилия И вот – победа!
О боги, где же ваше милосердие?
И если ваша воля такова,
Чтоб за меня погиб, лишенный друга,
Несчастный этот принц, чья жизнь дороже
Всех женщин в мире, – пусть тогда погибну
И я с ним вместе! Ипполита Бесконечно жаль,
Что для того, чтоб сочетались дружно
Две пары глаз, – должна навеки третья
Закрыться! Тезей Что же делать, – это так. Трубы. Уходят. Сцена 4 То же
место в лесу. Приготовлена плаха. Входят Паламон и его рыцари, в цепях, за
ними тюремщик, палач и стража. Паламон Иные люди сохраняют жизнь,
Зато любовь народную теряют;
Бывает даже, что отец при жизни
Любовь своих теряет сыновей;
Пусть это нам послужит утешеньем.
Мы здесь умрем, но будут нас жалеть:
Хотели б люди, чтоб мы долго жили;
Мы смертью своей предупредим

Все огорченья старости унылой,
Подагры злой, одышки избежим,
Которые встречают поседевших.
Мы юными и чистыми придем
К богам, не отягченные грехами;
Богам приятен будет наш приход
И нектар, верно, нам они предложат,
Как чистым душам. Милые собратья,
Чем я могу еще утешить вас
За то, что вы сейчас лишитесь жизни?
Так дешево вы продали ее. Первый рыцарь О, нет; исходом мы вполне довольны.

Какое преимущество над нами
имеют победители? Лишь счастье!
Мгновенна эта выгода, а смерть
Всем людям неизбежна; что ж до чести,
То в нас ее ни на волос не меньше,
Чем в них. Второй рыцарь Итак, "прости" друг другу скажем
И досадим своим терпением стойким
Изменчивой фортуне, чьи пути
Неверны даже в самом верном деле. Третий рыцарь Кто ж первый начинает?
Паламон Тот, конечно,
Кто пригласил вас всех на этот пир.
(Тюремщику.)

А, друг мой, и тебя я здесь встречаю!
Когда-то дочь-красавица твоя
меня освободила, а сегодня,
как видишь, я навек освобожусь!
Как поживает дочь твоя? Я слышал,
что не совсем она здорова: это
мне было грустно. Тюремщик Принц, теперь она
поправилась и скоро выйдет замуж. Паламон Клянусь остатком жизни: очень
рад!
И ей прошу сказать, что эта радость
моей последней радостью была.
Ей передай поклон мой, а вот это
ты приложи к приданому ее.
(Дает кошелек.) Первый рыцарь Позволь нам всем участвовать. Второй рыцарь
Ведь это

девица? Паламон да, добрейшее создание,
которому обязан я так много,
что никогда не мог бы заплатить. Все рыцари
(давая кошельки) Привет наш передай ей. Тюремщик Пусть вас боги
всех наградят и пусть велят, чтоб вечно
она благодарила вас! Паламон Прощай;
Пусть жизнь мою теперь возьмут так скоро,
как скоро я простился. Рыцари Начинай,
Кузен отважный! Все мы за тобою
пойдем на смерть с отрадой. Паламон кладет свою голову на плаху. За сценой
раздается сильный шум и крики: "Бегите, спасите, остановите!". Вестник
(вбегая) Стойте, стойте! Пиритой
(входя) Стой, стой, стой, стой! Будь проклята поспешность,
остановитесь!.. Храбрый Паламон,
знай: в жизни той, которую ты снова
теперь начнешь, желают боги славу
свою явить. Паламон Как может это быть?
Ведь я сказал, что не права Венера.
Что там случилось? Пиритой Встань, великий принц,
и выслушай известие, сердцу вместе
и сладкое, и горькое. Паламон
(вставая) В чем дело?
Что будит нас от сна? Пиритой Аркит, кузен твой,
сел на коня, которого ему
Эмилия когда-то подарила.
Конь этот черен; белого на нем
нет волоска; поэтому он многим
не нравится; они бы ни за что
себе такую лошадь не купили,
и оправдалось суеверье их!
Сев на коня, Аркит на нем поехал,
не торопясь, по улицам Афин;

Конь смирно шел, копытами своими
Как бы считая камни мостовой,
Он милю вмиг бы за собой оставил,
Когда б седок его поторопил.
Так подвигался он вперед, гарцуя,
Как бы внимая музыке подков,
Которых звон был, точно, музыкален.
Как вдруг один завистливый кремень,
Холодный, как Сатурн, и затаивший
В себе, как он, пылающую злобу,
Дал искру, или вдруг из-под подков
Откуда-то огонь явился серный;
Горячий конь, сам пылкий, как огонь,
Взбесился, стал неистово метаться,
То прыгал, то взвивался на дыбы,
И позабыл свою всю дрессировку,
Хоть выезджен был очень хорошо;
Как поросенок, он визжал, свирепо
Грыз удила, стараясь их сломать,
И ничего не слушался; все силы
Упрямства злого, бешенства, коварства
Он в ход пустил, чтоб сбросить седока,
Державшего узду рукою крепкой;
Когда ж ничто не помогло, - узда
Не порвалась, не лопнула подпруга,
И бешеным прыжком не удалось
Ослабить силу всадника, который
Прирос к седлу, держа коня в ногах,
То быстро конь на задние встал ноги,
Так круто, что Аркит вниз головой
Повис, и с головы его свалился
Венок победный; вслед за тем назад
Упала лошадь, тяжестью своею
Обрушась на Аркита. Он покамест
Не умер, но подобен кораблю,
Который только ждет волны ближайшей,
Чтоб потонуть. Он хочет говорить
С тобой. Но вот он сам сюда явился. Входят Тезей, Ипполита, Эмилия; Аркита
вносят на кресле. Паламон Как грустно наш кончается союз!
О боги, вы могучи! Если силы
Тебе еще позволят, друг Аркит,
Скажи свое последнее мне слово!
Я Паламон; люблю тебя душою
В последний час твой! Аркит Паламон, возьми
Эмилию и с ней всю радость мира.
Поддай свою мне руку - и прости.
Я был неправ, но не изменник дружбе.
Прости меня, кузен. Теперь один
лишь поцелуй Эмилии прекрасной.
(Целует ее.)
Возьми ее, мой друг. Я умираю.
(Умирает.) Паламон Твой храбрый дух в Элизиум помчится! Эмилия Глаза твои я
закрываю, принц;
Среди блаженных душ да поселится
Душа твоя! Прекрасным человеком
Ты был, и этот день, пока жива,
Я посвящу слезам. Паламон И я всем сердцем
Тот день чтить буду. Тезей Здесь, на этом месте
Сражались вы, и я прервал ваш бой.
О Паламон, богам благодаренье
Воздай за то, что жизнь ты сохранил!
Аркит, кузен твой, роль свою окончил;
Хоть коротка была она, но славно
Исполнил он ее; твои же дни
должны продлиться: их благословила
Роса небес. Могучая Венера
Присутствием почтила свой алтарь
И дивный дар любви тебе вручила;
Владыка Марс Аркиту показал
Благоволение, дав ему победу;
Так справедливость оба божества

Шекспир У. Два знатных родича filosoff.org

Явили нам. Несите труп отсюда. Паламон О дорогой кузен мой! Отчего
Стремимся мы всегда к тому, что снова
Приносит нам потерю! Почему
Нельзя владеть бесценною любовью,
Не потеряв бесценную любовь! Тезей на этот раз была игра фортуны
Изысканно тонка, как никогда.
Кто побежден, - победу торжествует,
кто победил, - лишен ее плодов;
Тот и другой равно почтен богами.
О Паламон, кузен твой сам признал,
Что право на невесту - за тобою;
Ее ты первый увидал, ты первый
Провозгласил, что любишь ты ее;
Завоевав ее, он драгоценность
Твою похитил, умирая ж - вновь
Ее тебе он возвратил, желая
Уйти в тот мир с прощеньем от тебя.
Так боги суд из рук моих изъяли,
Желая сами должное воздать.
Итак, возьми, веди свою невесту
И от порога смерти призови
Друзей своих, которые моими
Друзьями станут. Будем мы скорбеть
День или два до похорон Аркита,
А после, светлый брачный вид приняв,
Мы возликуем вместе с Паламоном,
Которого всего лишь час назад
Мне было жаль, как жаль теперь Аркита.
О чародеи вышние небес,
Что вы творите с нами! Мы ликуем
О том, что суждено нам потерять,
Скорбим о том, что будет нам на радость!
Мы дети перед вами! Благодарность
Примите же от нас и нам простите
Суждения о том, что выше нас!
Итак, пойдем же и свой долг исполним.
(Уходят.) ЭПИЛОГ Нельзя ль узнать о пьесе ваше мнение?
Признаться, ваше выслушать суждение,
Как школьник, я боюсь. Позвольте мне
Взглянуть на вас. Никто не улыбнется?
Ну, если так, то плохо нам придется.
Пусть кто-нибудь, в сердечной глубине
В красавицу влюбленный, - здесь найдется
Такой, конечно, - встав, освищет нас
И этим нас погубит в тот же час,
хотя бы против совести. Но тщетно
я жду решения. Ну, куда ни шло:
Все выслушать готов я безответно,
Но я не смел и наше ремесло
Нуждается в поддержке. Если пьеса,
которая была сейчас дана,
А цель ее похвальна и честна,
Для вас имеет хоть немного веса,
Мы цель свою достигнутой сочтем
И лучшие надеемся потом
Мы сочинить и дать вам представление,
чтоб ваше к нам продлить расположение;
К услугам вашим будем мы всегда.
Итак, спокойной ночи, господа! КОММЕНТАРИИ Эта драма впервые напечатана в
квартире 1634 года под заглавием: "Два знатных родича. Представлена в
Блэкфрайерсе слугами его королевского величества с великим успехом.
Написана знаменитостями того времени: мистером Джоном Флетчером и мистером
Вильямом Шекспиром, джентльменами. Напечатана в Лондоне Дж. Котсом для
Джона Уотерсона. Продается под вывеской Короны в ограде церкви Св. Павла.
1634 г."

Затем пьеса появилась во втором фолио сочинений Бьюмонта и Флетчера 1679
года; в этом издании было напечатано 52 пьесы, на 17 больше, чем содержало
1-е фолио сочинений Бьюмонта и Флетчера, выпущенное в 1647 году. Текст
пьесы для второго издания был взят из квартиры 1634 года, как это видно по
ошибкам и опечаткам, которые перенесены из этого издания.
В 1711 году пьеса появилась в Тоусоновском издании Бьюмонта и Флетчера и в

1750-м в семитомном Тоусоновском издании, с критическими примечаниями Теобальда, Сьюарда и Симпсона.

В 1778 году вышло издание сочинений Бьюмонта и Флетчера в 10 томах; в этом издании напечатана и пьеса "Два знатных родича".

В 1812 году сочинения Бьюмонта и Флетчера были изданы в 14 томах Вебером. Это издание было перепечатано позднее Рутледжем в двух томах (1839).

"Два знатных родича" были также изданы Тиррелем в его собрании сомнительных пьес Шекспира и Скетом в 1876 году в школьном издании Шекспира. Но в том же 1876 году появилось другое издание "Двух знатных родичей", имеющее большее значение. Это была перепечатка издания 1634 года новым шекспировским обществом (изд. Гарольда Литлделля). В нем старательно сверены разночтения кварто и второго фолио.

Сюжет "Двух знатных родичей" заимствован из "Паламона и Аркита" Чосера, который в свою очередь заимствовал его из "Тезеиды" Боккаччо. Сюжет этот значительно менее изменен, чем в других шекспировских заимствованиях из Чосера. Повествовательный элемент в драме получил гораздо большее развитие, чем драматический. Длинные описания заменяют действие. Характеры столь же мало развиты, как в самых ранних пьесах Шекспира. В этом отношении интересно сравнить характеры Тезея в комедии "Сон в летнюю ночь" и в "Двух знатных родичах". В "Сне в летнюю ночь" мы находим определенную концепцию характеров, и, конечно, было бы странно, если бы Шекспир, к концу своей жизни, принимаясь за характер, очерченный им много лет тому назад, стал изображать его в совершенно другом свете. И все же именно это нас поражает в "Двух знатных родичах". Тезей изображен здесь так, как описывает его Чосер, - тираном, не знающим иного закона, кроме собственной воли. Он постоянно либо в крайнем гневе, либо в крайней степени восторга, и его приближенные без зазрения совести пользуются своим знанием его настроений, чтобы заставить его действовать сообразно своим целям. Ипполита, Эмилия и три царицы на колених умоляют его выступить войной против Фив, наказать Креона и похоронить трех царей, погребения которых не допускал тиран. Тезей прежде чем уступить их желанию, проявляет доходящий до комизма недостаток решительности. И в других местах пьесы мы видим то же самое; насилие с одной стороны и колебания с другой, как только появляется необходимость принять или изменить какое-нибудь решение. И он

никогда не ссылается на закон, как на силу, равную или высшую его воле. В "Сне в летнюю ночь" мы встречаемся с совершенно иной постановкой вопроса. Здесь Эгей приводит к Тезею свою дочь Гермия и обвиняет ее в неповиновении. Она отказывается выйти замуж за человека, которого отец избрал для нее в мужа. Тезей и не думает разрешить вопрос по своему личному усмотрению. После длинного разговора Тезей говорит: "Ты же, прекрасная Гермия, должна склонить свои мечты перед волей родителя. Иначе закон Афин - который мы ни в коем случае не можем отменить, - присуждает тебя к смерти или к обету девственной жизни".

В "Сне в летнюю ночь" Тезей изображен конституционным правителем, чем, несмотря на все свои недостатки, была для своих подданных Елизавета. В "Двух знатных родичах" мы имеем дело с деспотом, от пароксизмов бешенства переходящим к состоянию расслабленности, когда окружающие беззастенчиво начинают играть им. Возможно ли, чтобы Шекспир - если он автор "Двух знатных родичей" - отказался от своей первой тонкой концепции характера Тезея, чтобы заменить ее образом слабого, вечно колеблющегося тирана? Споры за и против участия Шекспира в написании "Двух знатных родичей" начинаются с соображений, высказанных Спеллингом в 1833 году. Его воззрения ожили в "Трудах Нового шекспировского общества" за 1876 год вместе с теорией, что Шекспиру в "Генрихе VIII" помогал Флетчер. Его уверенность в том, что "Два знатных родича" могут быть приписаны Шекспиру, главным образом основана на замечательной поэтической красоте отдельных мест пьесы, но он не пытался указать проявление важнейшей черты шекспировского творчества развитие характеров изображенных в пьесе лиц. К воззрениям Спеллинга примкнули профессор

Спальдинг и Гиксон, оба позднее получившие поддержку со стороны Нового шекспировского общества. Иной взгляд высказал профессор Делиус. Он придерживался мнения, что Шекспир не принимал никакого участия в создании пьесы. Делиус указывал на отсутствие в ней каких-либо следов развития характеров, а так как по времени появления пьесы относится к последним годам жизни Шекспира, то мысль об его участии в создании пьесы кажется сомнительной.

Трудность вопроса заключается в том, чтобы указать автора, которого можно было бы считать способным написать такое произведение, как приписываемая Шекспиру часть пьесы. Есть достаточно оснований для утверждения, что соавтором Флетчера в рассматриваемой пьесе был Мессинджер. У Мессинджера есть излюбленные типичные фигуры, о которых мы всегда знаем заранее, что

они скажут в каждом конкретном случае. Но все же некоторые из этих типов получают у Мессинджера дальнейшее развитие, чего никак нельзя сказать о статичных героях Флетчера.

Имена Бьюмонта и Флетчера так тесно переплетены между собой в истории английской драматической литературы, что соединение Мессинджера и Флетчера напугало многих из тех, кто без больших затруднений усвоил идею о соавторстве Шекспира и Флетчера. Но мы имеем, однако, свидетельство современника, друга обоих драматургов, сэра Астона Кокзэня, что Мессинджер и Флетчер работали вместе столь же часто, как Бьюмонт и Флетчер, и он упрекает издателей первого фолио сочинений Бьюмонта и Флетчера за то, что они не отдали должного Мессинджеру. Таким образом, несомненно, что литературное сотрудничество существовало не только между Бьюмонтом и Флетчером, но также между Мессинджером и Флетчером.

Между размером "Двух знатных родичей" в части, не принадлежащей Флетчеру, и размером Шекспира в его последних произведениях существует очевидное сходство. Известно, что для Мессинджера характерны повторения. Уже Джиффорд, издавший многих старых драматургов, и в том числе Мессинджера, замечает о нем: "Ни один драматург не повторяет сам себя чаще и с такой бесцеремонностью, как Мессинджер". Но Мессинджер повторяет не только самого себя, он повторяет беспрестанно также Шекспира и очень любит уснащать речь классическими цитатами. Эта последняя черта сама по себе, конечно, не имеет решающего значения в связи с другими его особенностями. Один из доводов Делиуса, выступающего против участия в "Двух знатных родичах" Шекспира, состоит в том, что в пьесе часто встречаются классические цитаты и многочисленные намеки на пьесы Шекспира и заимствования из них, чего сам Шекспир никогда бы не стал делать.

Для Мессинджера повторения чрезвычайно характерны. Так в "Двух знатных родичах" (I, 1) мы читаем: *The heates are gone tomorow* - "пыл прошел завтра", что в том виде, как оно стоит перед нами, едва понятно (фраза взята из того места, где Тезей обещает выступить против Фив после своей свадьбы, между тем как три царицы настаивают, чтобы он выступил немедленно). Но эта мысль сразу становится ясной, когда мы сравним малопонятную фразу с местом из пьесы Мессинджера "Император Востока" (II, 1): *The resolution which grows cold to day will freeze tomorow*, т.е. "решительность, которая начинает холодеть сегодня, на утро замерзнет". Тут мы прямо имеем комментарий к неясности первого выражения; это одна и та же мысль, родившаяся, конечно, у одного автора.

Переходя к языку "Двух знатных родичей", мы должны помнить, что по живописности языка Шекспир стоит одиноко среди поэтов своего века. До него и при его жизни, в течение всей его писательской карьеры, ни один из поэтов в метафорической речи не достиг степени живописи. Он был первым, давшим картина драматургии полную самостоятельность. И вот почему поверить, что Шекспир принимал какое-либо участие в создании "Двух знатных родичей" или "Генриха VIII", для меня представляется невозможным; так как только в этих двух пьесах, среди всех произведений того периода творчества Шекспира, который начинается "Гамлетом", нет ни одной из этих сверкающих электрическими искрами картин, буквально ни одной.

Ничто так не ставит Шекспира выше его современников, как чудная нежность и чистота его женских образов. Морина, Имогена, Пердитта, Миранда едва ли представляются нам, как простые смертные женщины. Изабеллу сжигает огонь поруганной в ней чистоты, который гонит прочь нечистые мысли и заставляет даже брошенную куртизанку Люцию сказать, что она смотрит на нее, как на "небесное и святое" существо.

Если Шекспир действительно написал какую-нибудь часть "Двух знатных родичей", то Ипполиту и Эмилию следует сравнить с этими чистыми, лучезарными созданиями. Посмотрим, что получится при таком сравнении. В (I, 1) первая царица говорит: "...когда ее руки, способные самого Юпитера увлечь из сонма богов, при свете луны-покровительницы обнимут тебя, когда ее губы, как пара вишен, изолят свою сладость на твои жадные губы, о, неужели станешь ты думать тогда о гниющих в могиле королях и рыдающих царицах? Какая тебе забота о том, чего ты не чувствуешь? А то, что ты сам чувствуешь, способно даже Марса заставить отказаться от барабана (войны). О, если бы ты провел с нею только одну ночь, то каждый час в ней сделал бы тебя заложником на сотню часов и ты не стал бы помнить ни о чем ином, кроме того, что повелевает тебе этот пир..."

Одно это место уже достаточно характеризует манеру Мессинджера относиться к своим женским образам.

Чувственность - общая черта всех женских образов пьесы. Так Ипполита говорит: "Если бы воздержанием от моей радости, которая порождает еще более глубокое желание, я не излечила их пресыщения, требующего такого лекарства, то вызвала бы по отношению к себе злословие всех дам".

Напомним также, что дочь тюремщика в нашей пьесе сходит с ума от разочарования в любви. Другими словами, все женщины нашей пьесы имеют грубую чувственную натуру, которая делает невозможным ни на один миг допустить, что они – создания Шекспира.

Эмилия пробует убедить и себя, и нас, что она так сильно любит Паламона и Аркита, что не знает, кого из них выбрать. Единственное чувство, которое она выражает относительно поединка, в котором решается, кто из них должен быть ее мужем, заключается в опасении, как бы кому-либо из них не испортили лица. В одной из принадлежащих Мессинджеру пьес ее героиня Олинда также любит сразу двоих, так что не может решить кого ей выбрать.

Она выражается при этом таким образом, что достаточно самого малого знакомства с Мессинджером, чтобы прийти к заключению, что творец Олинды есть также творец Эмилии. Единственное, что характеризует его женские образы – это чрезвычайно развитая чувственность.

Среди мужских образов Тезей является одним из многочисленных типичных тиранов Мессинджера. Паламон и

Аркит в начале пьесы в руках Мессинджера различаются некоторыми индивидуальными чертами. Но различия скоро исчезают, и то, что говорит один, может быть приписано другому, так что читатель этого и не заметит. Словом, тут нет и следа развития характеров, столь замечательного у Шекспира.

В своих попытках привлечь интерес зрителя автор "Двух знатных родичей", будь то Флетчер или Мессинджер, вполне полагается на одни только внешние приключения. Шекспир, конечно, тоже прибегает к занимательной фабуле, когда желает привлечь к пьесе интерес, но главные усилия свои он посвящает развитию характеров.

Невзирая на все сказанное, следует, однако, отметить, что в "Двух знатных родичах" встречаются места высокой поэтической красоты, что и дало некоторым исследователям основание настойчиво высказываться за авторство Шекспира.

Из того, что было сказано относительно обрисовки характеров в "Двух знатных родичах", может показаться странным, что многие талантливые критики приняли произведение Мессинджера за создание Шекспира. Но такова сила предвзятости, и исходя из того, что пьеса шекспировская, непременно найдешь доказательств этому. Удивительного тут ничего нет: многочисленные подражания творческим приемам Шекспира, столь характерные для Мессинджера, легко становятся подтверждением того, что пьеса написана Шекспиром. Кроме того, даже для англичанина невозможно отличить размер Мессинджера от размера Шекспира только на слух. Мессинджер продолжил драматическое стихосложение с того места, где Шекспир оставил его, и развил его дальше в том же самом направлении. В метрическом стихе Шекспира – за исключением, по-моему, не шекспировского "Генриха VIII" – от 20 до 30% стихов относятся к так называемым run-on lines, т.е. стихам, в которых мысль не закончена, а переносится в следующую строку. Между тем Мессинджер начал с 31 процента таких стихов в своей части пьесы "Удача честного человека" и дошел постепенно до 49. Точно так же он постепенно увеличивал число двусложных окончаний (прибавлением лишнего, одиннадцатого неударяемого слога), хотя не заходил в этом так далеко, как Флетчер, в некоторых драмах которого круглым счетом четыре стиха из каждых пяти имеют двусложное окончание. Однако Мессинджер любил также оканчивать стих частицей, местоимением, вспомогательным глаголом (так называемое легкое окончание), предлогом или союзом (слабое окончание). Он, Бьюмонт и Шекспир в своем метре очень похожи один на другого. И как ни восхищался Мессинджер Шекспиром – что мы можем видеть из всех его произведений, – он усвоил себе манеру Бьюмонта изображать тиранов и страстные характеры, самым ярким примером которых является Тезей в "Двух знатных родичах". Поэты младшего, чем Шекспир, поколения умышленно предпочитали полагаться больше на изысканный вымысел фабулы, чем на трудный и опасный путь тонкой обрисовки характеров. Сознание этой важной особенности постепенно проникло в шекспирологию, и теперь уже мало кто решает защищать участие Шекспира в создании "Двух знатных родичей".

В заключение сформулируем в двух-трех словах pro и contra вопроса. Против – недостаточность переработки сырых материалов источника. Они являются в драме почти совершенно в таком же виде, как в рассказе Чосера. Во-вторых, нет развития характеров в строгом смысле этого слова. Те черты характера, которые мы замечаем у действующих лиц драмы, не что иное, как результат ситуации, и они изменяются по мере того, как меняется ситуация. В-третьих, все картины тщательно разработаны, как отделявал их Шекспир только в самых первых своих произведениях.

С другой стороны, за участие в этой пьесе Шекспира мы имеем только два существенных довода. Во-первых, чрезвычайное сходство размера с размером

Шекспир У. Два знатных родича filosoff.org

последних драм Шекспира – довод, который имел бы гораздо большее значение, если бы этот размер не имел еще большего сходства с обычным метрическим стилем Мессинджера. Во-вторых, истинная красота отдельных мест пьесы. Но в пьесах, бесспорно принадлежащих Мессинджеру, мы встречаем места, столь же прекрасные и с замечательным сходством в тоне мысли и художественности выражению самыми лучшими местами "Двух знатных родичей". Роберт Бойль
Примечания к тексту "Двух знатных родичей" От тех краев, где вьется По как лента, берегов серебряного Трента, – То есть от Италии до Англии. Трент – река в Англии. Что Робин Гуд серьезней их стократно. Робин Гуд – герой древнеанглийских народных баллад, об единенных в XV веке в одну эпопею. Во времена Шекспира альманахи нередко печатали эти баллады, но литературными кругами они ценились невысоко. Ипполита, невеста, с распущенными волосами, в сопровождении Пиритоя и другого лица, держащего над нею венки. – По английскому обычаю того времени, невеста шла к венцу с распущенными косами, а над ее головой держали венок из колосьев. Иногда, вместо венка из колосьев, свадебный венок делали из цветов. Креон, – царь Фивский, после знаменитого похода "семи против Фив" не позволил похоронить убитых. Сам Геркулес, мой родственник. – Тезей и Геркулес – внуки Кроноса, дети братьев: Геркулес – Зевса, а Тезей, по некоторым преданиям, – Посейдона. Беллоны – богини войны в древнеримской мифологии. Авлида – город на берегу восточной Греции, в Беотии. Из этого порта греки отплыли в троянский поход. Нарцисс – мифический герой, прекрасный юноша, который влюбился в собственное отражение в ручье и не мог от него оторваться, отчего умер и превратился в цветок, носящий его имя. Как калидонский вепрь пред Мелеагром. – Мелеагр – легендарный герой древней Этолии, спасший родную страну от свирепого вепря, насланного Артемидой за то, что отец Мелеагра Ойней не принес ей жертвы. Кузен, на козны быстрый... – в подлиннике игра слов *souzin* "кузен" и *sozener* "предатель". Заклинаю душой кузена твоего, – то есть Геркулеса, о двенадцати славных подвигах которого говорится ниже. Ирида – в древнегреческой мифологии богиня радуги. Их оскопят и сделают певцами. – Кастраты в качестве певцов были очень популярны в Европе вплоть до начала XIX века. В начале XVII столетия послание папы Климента VIII признало кастрацию для этой цели богоугодным делом. Так резвый и прекрасный Ганимед воспламенил любовной страстью Зевса. Ганимед – прекрасный юноша, сын царя Троя, похищенный Зевсом на небеса. Нежнее он округлен, чем Пелопса плечо. – Пелопс – царь и герой древней Фригии – будучи мальчиком был предложен в пищу богам, собравшимся на пир у его отца Тантала, но небожители раскрыли обман и воскресили Пелопса, причем съеденная часть плеча была заменена вставкой из слоновой кости. Затем юный Пелопс рос на Олимпе среди богов и был любимцем Посейдона. Зеленый цвет непуна превращает в багровый... – война, смешивая зеленые волны моря с кровью, делает их багровыми. Сдуваешь яства со стола Цереры. – Война уничтожает поля, назначение римской богини Цереры заключалось в охране посевов. Холодная охотница сама... – Диана однажды изменила своему обету бесстрастия, влюбившись в красавца Эндимиона. Алкид – Геркулес.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!